

РУССКИЕ ПРИНЦЕССЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ВОСПОМИНАНИЯ
АВГУСТЕЙШИХ
ОСОБ

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Как жили женщины разных эпох

**Русские принцессы за
границей. Воспоминания
августейших особ**

«Алгоритм»

2017

УДК 929(47)
ББК 63.3(2)-8

Русские принцессы за границей. Воспоминания
августейших особ / «Алгоритм», 2017 — (Как жили
женщины разных эпох)

ISBN 978-5-906947-72-7

Быть принцессой далеко не так просто. Их судьбы всегда удивляют и заставляют сопереживать. С начала XVIII века царские дочери были самым драгоценным дипломатическим «товаром». Они рождены были служить двум государствам: своей родине, о которой они никогда не должны были забывать, и той стране, которой им предстояло жить. В книгу вошли воспоминания и дневниковые записи дочерей Петра Великого, Павла I, Николая I, Александра II и Александра III. Для большинства «принцесс Романовых» жизненное кредо состояло в исполнении своего долга и смирении. Они находили счастье в служении своей новой стране и покинутой отчизне. Меньше было тех, кто осмеливался бунтовать, любить и выстраивать жизнь согласно собственным желаниям. Впрочем, на страницах книги вы встретите и таких дерзких особ.

УДК 929(47)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-906947-72-7

, 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Часть I	5
Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца	8
Описание о браке между ея высочеством Анною Петровною Цесаревною Всероссийскою и его королевским высочеством Карлом Фридрихом герцогом Голштейноготторпским	49
Биографический словарь А.А. Половцова	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Русские принцессы за границей. Воспоминания августейших особ

Автор-составитель Елена Владимировна Щукина

Часть I

Анна Петровна и герцог Карл Фридрих Гольштейн- Готторпский. Заложники политических игр

Русские царевны допетровских времен были теремными затворницами. Выдать за кого-то из бояр, пусть даже самых знатных и близких к трону было бы чудовищным мезальянсом. Если византийцы иногда отдавали своих багорянородных принцесс за варварских королей, если Ярослав Мудрый выдал свою дочь Анну за короля Франции, то для русских XVII века отдать православную царевну за «латынянина» или даже за греческого царя или сербского князя было немыслимо. Бедняжки так и проживали всю свою молодость в отцовских теремах, не показываясь даже своему народу, а после коронации их брата их постригали в монастырь.

Русский историк Николай Иванович Костомаров писал о воспитании московских царевен: «Царские дочери до тех пор жили затворницами, никем не видимые, кроме близких родственников, и не смели даже появляться публично. Это зависело, главным образом, от того монашеского взгляда, который господствовал при московском дворе и дошел до высшей степени силы при Романовых. Боязнь греха, соблазна, искушения, суеверный страх порчи и сглаза – все это заставляло держать царевен взаперти. Величие их происхождения не допускало отдачи их в замужество за подданных, а отдавать их за иностранных принцев было трудно, потому что тогдашнее благочестие приходило в соблазн при мысли о брачном союзе с неправославными».

Портрет цесаревны Анны Петровны.

Художник И. Н. Никитин. 1716 г.

Анна Петровна (1708–1728) – дочь царя Петра I и Екатерины, будущей императрицы Екатерины I.

Супруга Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, герцогиня Голштинская (1725–1728).

Мать императора Петра III

Но дочерей Петра I ждала совсем иная судьба. Их воспитывали, как европейских принцесс, учили говорить на иностранных языках: немецком, итальянском, французском, Елизавета, кажется владела еще финским или шведским, учили носить европейские платья с декольте, фижмами и шлейфами, к ним приглашали итальянку, графиню Марианна Маниани, и танцмейстера Стефана Рамбурга.

Петр рассчитывал, что его дочери выйдут замуж за европейских монархов и упрочат тем самым связи России с Европой. Свою любимицу Лизетту (Елизавету) он прочил ни больше ни меньше, как за короля Франции. Однако, сосватать успел только старшую дочь – Анну. Ее суженым стал герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский. Он владел не только герцогствами Голштейн и Готторп, на побережье Балтийского моря, но также и важным портовым городом Килем, а претендовал на датскую корону. Кроме того жених оказался тонким политиком. Он сумел понравиться Петру, привезя ему в подарок знаменитый Готоорпский глобус, изготовленный механиком Андеасом Бушем из Лимбурга и граверами Ротгизерами из Гузума. На наружную сторону гигантского медного шара под руководством географа Адама Олеария нанесли карту поверхности земли, а на внутреннюю поверхность – карту звездного неба. Внутри на специальной скамеечке могли уместиться 12 человек. Когда они занимали свои места, глобус начинал медленно вращаться, показывая движение звезд. Петр велел построить для глобуса в Летнем саду специальный павильон и часто приводил туда гостей, рассказывая им об устройстве глобуса и об устройстве мира, в котором они живут.

Герцог Голштинский прогостил в России долгое время. Он постоянно находился при дворе, но, кажется не то чтобы любви, но даже взаимной симпатии и интересна между ним и Анной так и не появилось. И не мудрено: герцог обычно пьянствовал вместе с мужчинами, Анна жила с матерью и сестрой. Встречались жених и невеста разве, что на балах и ассамблеях, но и там не находили общих тем для разговоров.

В свите Карла Фридриха в Россию приехал камер-юнкер Фридрих-Виольгельм Бергхольц, который оставил интереснейшие воспоминания петровском Петербурге и о сватовстве герцога Голштинского.

Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца (отрывки)

1721 год

Май

25-го, рано утром, для меня нашли наконец две маленькие плохие комнатки, в которых жил недавно переселившийся в Петербург немец, пряничник, с женою, очень хорошенькой французенкой. Хотя мне было крайне неприятно вытеснять этих бедных людей из только что нанятых ими комнат, тем более что они заплатили за них вперед и, следовательно, имели полное право жаловаться, что отдали деньги за три комнаты, а жить должны в одной, однако ж я принужден был к ним переехать. Им объявили, чтоб к вечеру две комнаты были очищены, что они и исполнили. Перед обедом, около половины одиннадцатого часа, когда царь возвращался из церкви, с крепости стреляли из всех пушек, чем и началось празднование коронации по случаю наступления 39-го года царствования его величества, вступившего на престол 10 лет от роду. Говорили, что нынешний год день этот празднуется вовсе не великолепно; но почему, никто не знал. Услышав пушечную пальбу, я тотчас отправился вместе с тайным советником Геспеном, посланником Штамке и другими нашими кавалерами навстречу царю, которого мы увидели на реке. Когда он вошел в длинную галерею, стоящую в аллее, идущей к царскому летнему дворцу, все собравшиеся там русские и тайный советник Геспен с посланником Штамке подошли к нему с поздравлением. Спросив последних, когда приедет его королевское высочество и получив в ответ, что они ожидают его всякий час, царь пошел с князем Меншиковым и со всею свитою на находящееся близ сада большое открытое место¹, где стояли в строю оба гвардейских полка, Преображенский и Семеновский. Первый состоял из четырех батальонов, второй из трех. В обоих, как говорят, до 7000 человек, не считая нестроевых. Большая часть рядовых, по крайней мере очень многие из них, князья, дворяне или унтер-офицеры из армейских полков. Оба полка имеют зеленые мундиры с красными отворотами, но воротники у Преображенского красные, а у Семеновского голубые, равно как, для большего отличия, у первого зеленые, а у последнего синие шинели. У унтер-офицеров отвороты и воротники (которые также разных цветов, смотря по полку) обшиты узким золотым галуном. Все обер-офицеры, от полковника до прапорщика, имеют одинакий мундир зеленого цвета, обложенный кругом золотым галуном; только шарфы и значки отличают их друг от друга. Гренадеры носят шляпы, похожие на шлемы древних римлян и имеющие вид касок; но они сделаны не из железа, а из толстой кожи и украшены сзади большим пером белого и красного цветов, что делает особенно хороший вид, когда их много вместе. Спереди на шляпах у них оловянный, а у офицеров серебряный герб России; точно такая же и обделка широкого патронташа, висящего на правой стороне, поверх которого подпоясывается с левой стороны другой, маленький. Гренадерские офицеры, как и другие, носят еще через правое плечо шарфы голубого, белого и красного цветов и серебряные значки (рингкрагены) с изображением Андреевского креста, с короною наверху и лавровым венком вокруг. Под крестом написано выпуклыми буквами: 19-е Ноября 1700 года – день несчастного Нарвского сражения, в котором оба эти полка особенно отличились. Многие из рядовых имеют также в петлицах медали с портретом царя, который, говорят, награждает ими

---

¹ Царицын луг.

всех особенно отличающихся в сражениях; но, кроме того, все бывшие в Полтавской битве украшены такими медалями. Офицеры этого корпуса имеют высокие чины: поручики равняются капитанам армейских полков; капитаны поступают в другие полки полковниками, а майоры обыкновенно в то же время бригадиры или генерал-майоры и имеют большой вес. Сам царь – полковник Преображенского полка. Когда царь пришел к месту, где выстроились оба полка, образуя из себя огромный круг, они отдали ему честь и, исполнив по его команде обыкновенные приемы, производили беглый огонь из ружей. После троекратной стрельбы царь удалился, пригласив сам наших кавалеров собраться после обеда, в пять часов, в Летнем саду. Я отправился домой и смотрел дорогою, как гордые полки в стройном порядке уходили назад. Каждый из батальонов имеет своих гобоистов и валторнистов. Они проходили по крайней мере час, но на это было вовсе не скучно смотреть, потому что солдаты все видные и красивые люди, набранные из многих полков. Собравшись, по обыкновению, к обеду у нашего благодетеля, мы сели за стол и только что отобедали, как приехал подполковник Сальдерн, посланный его королевским высочеством из Нарвы с письмами к тайному советнику Геспену и посланнику. Когда он вручил мне письмо от тайного советника Бассевича, я уступил ему свое место за столом, потому что он был очень голоден. Мы спросили его, когда приедет его королевское высочество, и узнали, что не прежде будущего четверга, оттого что проезжает в день не более двух станций. Тайный советник Бассевич велел меня просить, чтоб я в четверг, рано утром, был с его каретными лошадьми в Красном Кабачке; но это было невозможно по причине болезни одной из шести лошадей, которую заменить другою было решительно нельзя. Впрочем, я был твердо убежден, что ее величество царица пошлет навстречу герцогу довольно лошадей и карет, так что его собственные, требуемые только на всякий случай, вероятно, вовсе не понадобятся. После обеда мне очень хотелось тотчас же исполнить одно поручение, о котором тайный советник писал мне в своем письме, но в этот день ничего нельзя было сделать. В 5 часов я со многими из наших отправился в сад. Подойдя к месту, где утром была стрельба, мы опять нашли там, в том же порядке, оба гвардейских полка, но только с нижним оружием; верхнее они оставили в лагере. Когда я спросил, для чего они здесь собрались, мне отвечали, что царь обыкновенно в такие праздники угощает их пивом и вином, которое сам им подносит в деревянных чашках величиною с большой стакан. Его величество именно этим и был занят, когда мы пришли. Там же увидел я необыкновенно большого роста чухонку, которую царь несколько лет тому назад выдал замуж за огромного француза, привезенного им из Франции. Они имели уже ребенка, и теперь она снова была беременна. Этот француз не так высок, как неестественно толст; он сам говорит, что австрийский посланник в Париже, барон Бентенрейтер, еще повыше его, в чем я теперь, рассмотрев его хорошенько, также убедился. Он не имеет никакой должности (впрочем, по толстоте своей и не способен ни на что) и всю жизнь только и делал, что показывал себя за деньги. Ему дают в год 300 рублей жалованья и даровую квартиру. Царь, тотчас после его приезда, подарил ему дом и держит его, как говорят, только для того, чтоб иметь от него рослых людей. С теперешнею его женою его соединили еще до брака, и государь только тогда приказал обвенчать их, когда убедился, что они могут иметь детей; в противном случае она досталась бы одному из царицыных гайдуков, также огромного роста, но весьма красивому*. Войдя в сад и осмотрев его немного, я до того был удивлен переменами в нем в последние семь лет, что едва узнавал его. Мы сперва отправились туда, где думали найти лучшее, то есть царский двор, который очень желали видеть, и пришли наконец в среднюю широкую аллею. Там, у прекрасного фонтана, сидела ее величество царица в богатейшем наряде. Взоры наши тотчас обратились на старшую принцессу², брюнетку и прекрасную как ангел. Цвет лица, руки и стан у нее чудно хороши. Она очень похожа на царя и для женщины

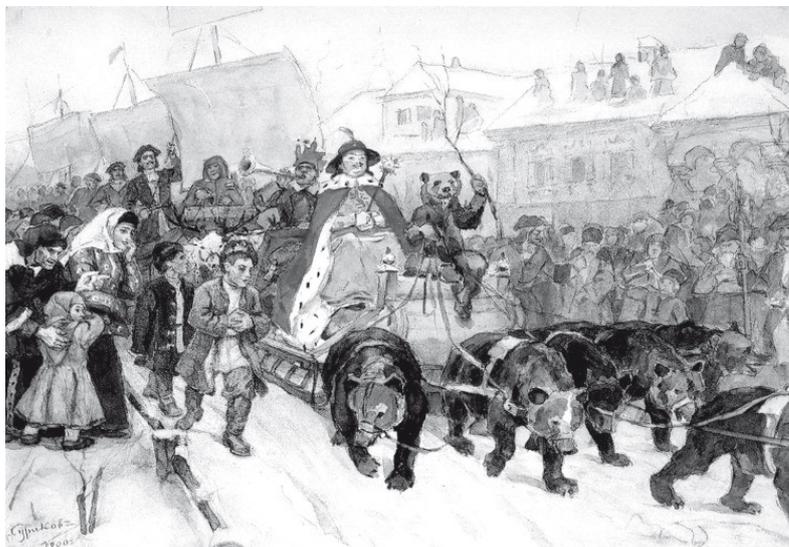
² Анна Петровна.

довольно высока ростом. По левую сторону царицы стояла вторая принцесса, белокурая и очень нежная; лицо у нее, как и у старшей, чрезвычайно доброе и приятное. Она годами двумя моложе и меньше ростом, но гораздо живее и полнее старшей, которая немного худая. В этот раз они были одеты одинаково, но младшая имела еще позади крылышки; у старшей же они были недавно отрезаны, но еще не сняты и только зашнурованы. Сделаны эти крылышки прекрасно. Платья принцесс были без золота и серебра, из красивой двухцветной материи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугом, по новейшей французской моде и с изяществом, которое бы сделало честь лучшему парижскому парикмахеру. Около ее величества царицы стояли еще маленький великий князь и его сестра, дети покойных принцессы Вольфенбюттельской и наследного принца; они как вылитые из воску и ангельской красоты. Великому князю, говорят, только шестой год, а сестре его осьмой, но они уж довольно велики для своих лет. Они имеют свой особенный стол, так же как и обе старшие принцессы. У царицы есть еще маленькая принцесса, лет четырех, которую еще носят на руках; она также прехорошенький ребенок. Здесь же была вдовствующая царица с дочерью своею, принцессою Прасковией, находящейся еще при ней. Она была одета в черном и имела на голове большую шапку, какую обыкновенно носят старые русские дамы. Это вдова брата нынешнего царя, Ивана; старшего его брата звали Федором. У нее, кажется, осталось теперь в живых только три дочери, из которых одна за теперешним герцогом Мекленбургским, другая – герцогиня Курляндская, которую мы видели в Риге, а третья та самая, которая была с нею в саду и которой лет пять; она брюнетка и недурна собой. Вдовствующая царица Прасковья – урожденная Салтыкова. Между бывшими здесь другими дамами мне особенно понравилась княгиня Черкасская, которая, как меня уверяли, считается при дворе первою красавицей. Но я насчитал еще до тридцати хорошеньких дам, из которых многие мало уступали нашим дамам в приветливости, хороших манерах и красоте. Признаюсь, я вовсе не ожидал, что здешний двор так великолепен. У ее величества царицы четыре камер-юнкера, все красивые и статные молодые люди; из них двое русские, Шепелев и Чевкин, и двое немцы, Балк и Монс (двоюродный брат госпожи Балк, очень, говорят, любимой царицею). Первый из этих двух – сын генеральши Балк, состоявшей несколько лет тому назад в качестве обергофмейстерины при дочери вдовствующей царицы, нынешней герцогини Мекленбургской. Теперь она снова статс-дамою при здешнем дворе и имеет еще дочь, которая замужем за флотским капитаном Лопухиным. К штату царицы принадлежат еще: гофмаршал Олсуфьев (брат гофмаршала царя), русский и очень незнатного происхождения, шталмейстер и многие другие. Пажи ее величества имеют зеленые мундиры с красными отворотами и золотыми галунами на всех швах, как и трубачи и валторнисты; но лакеи и конюхи, которых у ее величества множество, не имеют этих галунов, однако ж все-таки одеты прекрасно. В оркестре государыни много хороших немецких музыкантов, обязанных также носить красивые зеленые кафтаны (ливрей они вообще не любят). Одним словом, двор царицы так хорош и блестящ, как почти все дворы германские. У царя же, напротив, он чрезвычайно прост: почти вся его свита состоит из нескольких денщиков (так называются русские слуги), из которых только немногие хороших фамилий, большая же часть незнатного происхождения. Однако ж почти все они величайшие фавориты и имеют большой вес. Теперь особенно в милости три или четыре; первый – племянник генерала Бутурлина, другой – Травеник, один из двух близнецов, до того друг на друга похожих, что их различают только по платью. Говорят, его величество царь, проезжая через Данциг, взял их к себе единственно по причине этого необыкновенного сходства. Родители их простого происхождения. Того из них, который не сумел подделаться под его вкус, он отдал царице. Третий фаворит и денщик – Татищев, из русской фамилии, четвертый и последний – Василий, очень незнатного происхождения и человек весьма невзрачный. Царь поместил его, как бедного мальчика, в хор своих певчих, потому что у него был, говорят, порядочный голос; а так как его величество сам по воскре-

сеньям и праздникам становится в церкви с простыми певчими и поет вместе с ними, то он скоро взял его к себе и до того полюбил, что почти ни минуты не может быть без него. Оба последние самые большие фавориты, и хотя Татищева считают величайшим, потому что он почти всегда обедает с царем, когда его величество бывает один или в небольшом обществе, однако ж я думаю, что тот имеет перед ним большое преимущество: царь иногда раз по сто берет его за голову и целует, также оставляет знатнейших министров и разговаривает с ним. Удивительно, как вообще большие господа могут иметь привязанность к людям всякого рода. Этот человек низкого происхождения, воспитан как все простые певчие, наружности весьма непривлекательной и вообще, как из всего видно, прост, даже глуп, – и несмотря на то, знатнейшие люди в государстве ухаживают за ним. Генерал Ягужинский, который еще до сих пор в большой милости, был сперва также денщиком царя; одни говорят, что он бедный польский дворянин, другие уверяют, что сын немецкого кистера в Москве. У него есть брат, полковник здешней же службы, который однако ж далеко не может равняться с ним умом и способностями.

Вскоре после нашего прихода в сад его величество оставил гвардейцев и пошел к ее величеству царице, которая осыпала его ласками. Побыв у нее несколько времени, он подошел к вельможам, сидевшим за столами вокруг прекрасного водомета, а государыня между тем пошла с своими дамами гулять по саду. После этого я стал рассматривать местоположение сада и, между прочим, увидел прелестную молодую дубовую рощицу, насаженную большею частью собственными руками царя и находящуюся прямо против окон царского летнего дворца. Так как здешнее духовенство обыкновенно также принимает участие во всех празднествах, то оно и в этот день собралось в большом числе и для своего удовольствия выбрало самое живописное и приятное место, именно эту рощу. Я нарочно оставался там несколько времени, чтоб отчасти полюбоваться на многие молодые и чрезвычайно прямые деревья, отчасти посмотреть хорошенько на духовенство, сидевшее за круглым столом, уставленным кушаньями. Духовные лица носят здесь одежду всех цветов, но знатнейшие из них имеют обыкновенно черную, в виде длинного кафтана, и на голове длинные монашеские покрывала, закрывающие плечи и спину. Многие своими бородами и почтенным видом внушают к себе какое-то особенное уважение. Наконец я очутился опять на том месте, где остался царь, и нашел его там сидящим за столом, за который он поместился с самого начала. Постояв здесь с минуту, я услышал спор между монархом и его шутом Ла-Костой, который обыкновенно оживляет общество. Этот Ла-Коста из жидов и человек чрезвычайно хитрый; прежде он был маклером в Гамбурге. Дело было вот в чем. Ла-Коста говорил, что в Св. Писании сказано, что «многие приидут от Востока и Запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом»; царь опровергал его и спрашивал, где это сказано. Тот отвечал: в Библии. Государь сам тотчас побежал за Библиею и вскоре возвратился с огромною книгою, которую приказал взять у духовных, требуя, чтобы Ла-Коста отыскал ему то место; шут отозвался, что не знает, где именно находятся эти слова, но что может уверить его величество, что они написаны в Библии. «Еу, еу, – отвечал государь, по своему обыкновению, по-голландски: – *Dat is naag apraht, jy saudt jy Dage nieht darin finden*» (все вздор, там нет этого). В это самое время проходила мимо царица с принцессами, и так как для меня гораздо любопытнее было видеть их, чем слушать этот спор, то я последовал за дамами и старался познакомиться с некоторыми из них. Когда все они опять сели, я возвратился на свое прежнее место, но царя там уже не было. Меня уверяли, что Ла-Коста прав, что приведенные им слова действительно находятся в Библии, именно у Матфея, гл. 8, ст. 11 и 12. Вскоре после того появились дурные предвестники, вселившие во всех страх и трепет, а именно человек шесть гвардейских гренадеров, которые несли на носилках большие чаши с самым простым хлебным вином; запах его был так силен, что оставался еще, когда гренадеры уже отошли шагов на сто и поворотили в другую аллею. Заметив, что вдруг очень многие стали ускользать, как будто

завидели самого дьявола, я спросил одного из моих приятелей, тут же стоявшего, что случилось с этими людьми и отчего они так поспешно уходят. Но тот взял меня уже за руку и указал на прошедших гренадеров.

Большой маскарад в 1722 году на улицах Москвы с участием Петра I и князя-кесаря И. Ф. Ромодановского. Выполнено по описанию камер-юнкера Берхгольца. Художник В. И. Суриков. 1900 г.

«Никакое историческое художественное изложение не может дать столь верной идеи о тогдашнем времени, как простой безыскусственный, с тем вместе до мелочей отчетливый рассказ Берхгольца. Дневник его... превосходит все, что ни писали иноземцы о Петре Великом».
(И. Н. Устрялов)

Тогда я понял, в чем дело, и поскорее отошел с ним прочь. Мы очень хорошо сделали, потому что вслед за тем встретили многих господ, которые сильно жаловались на свое горе и никак не могли освободиться от неприятного винного вкуса в горле. Меня предупредили, что здесь много шпионов, которые должны узнавать, все ли отведали из горькой чаши; поэтому я никому не доверял и притворился страдающим еще больше других. Однако ж один плут легко сумел узнать, пил я или нет: он просил меня дохнуть на него. Я отвечал, что все это напрасно, что я давно уже выполоскал рот водою; но он возразил, что этим его не уверишь, что он сам целые сутки и более не мог избавиться от этого запаха, который и тогда не уничтожишь, когда накладешь в рот корицы и гвоздики, и что я должен также подвергнуться испытанию, чтоб иметь понятие о здешних празднествах. Я всячески отговаривался, что не могу никак пить хлебного вина; но все это ни к чему бы не повело, если б мнимый шпион не был хорошим моим приятелем и не вздумал только пошутить надо мною. Если же случится попасться в настоящие руки, то не помогают ни просьбы, ни мольбы: надобно пить во что бы то ни стало. Даже самые нежные дамы не изъяты от этой обязанности, потому что сама царица иногда берет немного вина и пьет. За чашею с вином всюду следуют майоры гвардии, чтобы просить пить тех, которые не трогаются увещаниями простых гренадеров. Из ковша величиною в большой стакан (но не для всех одинаково наполняемого), который подносит один из рядовых, должно пить за здоровье царя или, как они говорят, их полковника, что все равно. Когда я потом спрашивал, отчего они разносят такой дурной напиток, как хлебное вино, мне отвечали, что русские любят его более всех возможных данцигских

аквавит и французских водок (которые, однако ж, здешние знатные очень ценят, тогда как простое вино они обыкновенно только берут в рот и потом выплевывают) и что царь приказывает подавать именно это вино из любви к гвардии, которую он всячески старается тешить, часто говоря, что между гвардейцами нет ни одного, которому бы он смело не решился поручить свою жизнь. Находясь в постоянном страхе попасть в руки господ майоров, я боялся всех встречавшихся мне и всякую минуту думал, что меня уж хватают. Поэтому я бродил по саду как заблудившийся, пока наконец не очутился опять у рожицы близ царского летнего дворца. Но на этот раз я был очень поражен, когда подошел к ней поближе: прежнего приятного запаха от деревьев как не бывало, и воздух был там сильно заражен винными испарениями, очень развеселившими духовенство, так что я чуть сам не заболел одною с ними болезнью. Тут стоял один до того полный, что, казалось, тотчас же лопнет; там другой, который почти расставался с легкими и печенью; от некоторых шагов за сто несло редькой и луком; те же, которые были покрепче других, превесело продолжали пировать. Одним словом, самые пьяные из гостей были духовные, что очень удивляло нашего придворного проповедника Ремариуса, который никак не воображал, что это делается так грубо и открыто. Узнав, что в открытой галерее сада, стоящей у воды, танцуют, я отправился туда и имел наконец счастье видеть танцы обеих принцесс, в которых они очень искусны. Мне больше нравилось, как танцует младшая принцесса; она от природы несколько живее старшей. Когда стало смеркаться, принцессы удалились с своими дамами. Так как царь и царица (оставившая, впрочем, своих дам) также в это время отлучились, то нас стали уверять, что мы возвратимся домой не прежде следующего утра, потому что царь, по своему обыкновению, приказал садовым сторожам не выпускать никого без особого дозволения, а часовые, говорят, в подобных случаях бывают так аккуратны, что не пропускают решительно никого, от первого вельможи до последнего простолюдина. Поэтому знатнейшие господа и все дамы должны были оставаться там так же долго, как и мы. Все это бы ничего, если б, на беду, вдруг не пошел проливной дождь, поставивший многих в большое затруднение: вся знать поспешила к галереям, в которых заняла все места, так что некоторые принуждены были стоять все время на дожде. Эта неприятность продолжалась часов до двенадцати, когда наконец пришел его величество царь в простом зеленом кафтане, сделанном наподобие тех, которые носят моряки в дурную погоду (перед тем же на нем был коричневый с серебряными пуговицами и петлицами); шляпу он почти никогда не надевает, приказывая носить ее за собою одному из своих денщиков. Войдя в галерею, где все ждали его с большим нетерпением и потому чрезвычайно обрадовались этому приходу в надежде скоро освободиться, он поговорил немного с некоторыми из своих министров и потом отдал приказание часовым выпускать. Но так как выход был только один и притом довольно тесный, то прошло еще много времени, пока последние выбрались из сада. Кроме того, надобно было также проходить недалеко от сада через небольшой подъемный мост на малом канале, и только пройдя через него всякий мог без затруднения спешить домой.

Все мы порядочно проголодались и были в большом затруднении найти что-нибудь поесть. К счастью, нам попался один почтенный знакомый камеррата Негелейна, также спешивший домой с своею женою. Будучи знаком еще с некоторыми из наших и очень хорошо видя нашу невзгоду, он пригласил нас всех к себе на холодное жареное и прочую закуску; мы, разумеется, не церемонились и, не дожидаясь вторичного приглашения, с радостью последовали за ним. Этот сострадательный человек был чиновник Коммерц-коллегии по фамилии Гольштейн. Брат его камер-пажом у царицы и, говорят, довольно любим царем. Когда мы проходили мимо квартиры асессора Сурланда, которая была недалеко от дома этого чиновника, тот увидел нас и тотчас вышел к нам на улицу, но уже в халате. Мы спросили его, когда он успел так скоро раздеться и почему мы не догнали его, несмотря на то что из сада вышли в числе первых и на дороге были вовсе недолго. Он отвечал, что сидит дома уж с лишком час,

успев тайно выбраться из сада вместе с голландским резидентом Вильде, который нашел к тому средство, если не ошибаюсь, при помощи садовника, имеющего при саде свой дом. Плохо пришлось бы этому человеку, если б про то узнал царь, и я не желал бы поделиться с ним вырученными им деньгами; ассессор поэтому и был так скромн, что тогда никому из нас не назвал своего благодетеля, избавляя его таким образом от всякой неприятности. Наевшись и напившись у почтенного чиновника, мы все отправились по домам. Мне, несчастному, приходилось идти дальше других и, кроме того, надобно было пробыть еще несколько времени в соседстве посланника (Штамке). Несмотря на то что тайный советник Бассевич обещал мне еще в Ревеле, что меня поместят здесь в его доме вместе с Сурландом (о чем и отдал надлежащее приказание камер-юнкеру Геклау, который распоряжался квартирами), мы оба принуждены были по недостатку места в плохом деревянном домике, назначенном для тайного советника и решительно для него не годном, взять отведенные нам маленькие и дурные квартиры в надежде, что тайный советник получит скоро другое помещение. Этот домик ассессор занял для него только на всякий случай, чтоб ему по крайней мере было где остановиться и поставить свои вещи. Если б положиться на распоряжения нашего квартирмейстера, то тайный советник, первый министр, должен был бы на первый раз остановиться на улице: несмотря на продолжительное время, назначенное для приискания квартир, ни одна не была еще готова, когда наша свита начала съезжаться, и за дело принимались только тогда, когда всякий по приезде сам начинал хлопотать о квартире.

<...>

Его высочество обедал у посланника Штамке, и после обеда, когда камергер Нарышкин доложил, что его величество царь уже встал (он обыкновенно отдыхает несколько часов после обеда) и отправился в сад, герцог немедленно собрался со всею своею, довольно многочисленною, свитою и поехал в той же самой барке, которая до обеда привезла его домой, к маленькому каналу, примыкающему ко входу в сад. Когда мы вошли в сад, раздались чудные звуки труб, и вскоре мы увидели царя, шедшего к нам навстречу. Он обнял герцога и приветливо поклонился всем нам; потом взял его высочество за руку и повел к месту, где находились ее величество царица, обе старшие принцессы, маленький великий князь с своею сестрою, вдовствующая царица с дочерью, все здешние знатные дамы и множество кавалеров. Все были в самых парадных костюмах, делавших собрание особенно блестящим, и я никогда не видал вдруг столько драгоценных камней, как при этом первом свидании его королевского высочества с царскою фамилиею, или если видел, то разве только на аудиенции турецкого посла в Париже в начале нынешнего года. Герцог поклонился сперва царице, отвечавшей с ласковою улыбкой на его поклон, потом принцессам. Так как царь в это время куда-то удалился, то государыня с четверть часа разговаривала с его высочеством, но потом незаметно обратила речь к нашим министрам, давая тем случай герцогу сблизиться со старшею принцессою. Он и начал говорить с нею, но оба были довольно застенчивы, так что если б на их устах не пробежала по временам легкая улыбка, то нельзя было бы и узнать, разговаривают они или нет. Когда ее величеству показалось, что для первого раза этого довольно, она снова обратилась к его высочеству. Тут подошел опять его величество царь, и государыня подала стакан вина сперва ему, потом его высочеству и наконец тайным советникам Бассевичу и Геспену. После того царь показывал герцогу сад, птичник, в котором было множество прекрасных редких птиц, и красивый грот, не совсем еще отделанный; наконец они сели вместе с некоторыми вельможами за стол, и его величество провозгласил тост, который его высочество должен был принять, но затем получил свободу пить столько вина или воды, сколько ему было угодно.

<...>

По уходе царя князь Меншиков должен был занимать его высочество. Тайный советник Бассевич пошел в это время с царем на луг (nach der Pleine), где принужден был пить

простое вино. Между тем генерал Ягужинский напомнил его высочеству, что теперь пора просить царя о даровании свободы взятому под Полтавою в плен графу Бонде (который, по желанию его высочества и по просьбе генерала Ягужинского, привезен был к здешнему двору из Москвы. Он принадлежал к одной из знатнейших шведских фамилий, почему герцог и хотел сделать удовольствие шведам, в особенности своим приверженцам); за ним тотчас послали, и когда он явился, герцог представил его царю (находившемуся в это время в небольшой приятной аллее, где стояла превосходная мраморная статуя Венеры <Fides> с покрытым лицом) и просил даровать ему свободу, на что его величество сейчас же и согласился. Его высочество много благодарил за такую милость, равно и граф Бонде, целовавший у царя руки и полы кафтана. Так как не нашлось под рукою лишней шпаги, то его высочество, забывшись от большой радости, снял свою собственную и отдал графу, тогда как ему следовало поднести ее сперва царю, который взял шпагу Ягужинского и подал графу, после чего последний возвратил взятую им от его высочества.

Около девяти часов, когда вынесли вон столы, уставленные сластями, начались танцы в той же галерее, где танцевали в день празднования коронации. Его величество царь с царицею, его высочество со старшею принцессою и князь Меншиков с младшею открыли бал немецким танцем, после которого его высочество танцевал со старшею принцессою менуэт. Потом танцевали: она же с генералом Ягужинским, младшая принцесса сперва с ним, потом с его высочеством, его высочество с одною из дам, и так как общество было многочисленно, то танцы продолжались до двенадцатого часа ночи. Но его величество царь тотчас после первого танца (то есть первого менуэта, который его высочество танцевал с старшею принцессою) удалился к мужчинам. Около двенадцати часов зажгли фейерверк, устроенный перед самою галерею на нескольких для того приготовленных больших барках. Между прочим горело изображение человека с бороною (Egge) на голове для защиты от дождя и с русскою надписью наверху: Дурное прикрытие. Некоторые думали, что это намек на английскую эскадру, высланную для прикрытия Швеции. Покамест горел этот девиз, было пущено множество ракет, водяных шаров и маленьких бомб, или бураков. Во все время фейерверка подле меня стоял некто Бюлау, о котором я еще в Париже читал в газетах, что он по контракту, заключенному с царем, взялся зажигать корабли на расстоянии тысячи шагов, пускать пушечные ядра на версту и более и делать множество других неслыханных опытов с порохом. Царь письменно обещался за исполнение всего этого выплатить ему тотчас же восемьдесят тысяч червонцев. Этот барон Бюлау завязал со мною разговор, смеялся над фейерверком и уверял, что хотя в сравнении с тем, что он знает, такой фейерверк не больше, как детская игрушка, однако ж и ту заимствовали у него. Я всячески старался поблаговиднее отделаться от несносного болтуна, который говорит без умолку, особенно когда бывает пьян, и наконец успел отвязаться от него, заговорив с одним из моих приятелей, тут же стоявшим. Но только что я обратился к другому, он тут же подошел к князю Меншикову, который стоял близко от нас, и начал с ним толковать. Князь, зная его характер, также искал поскорее развязаться с ним, однако ж, несмотря на то, скоро вовлекся в спор и должен был выслушать много пустых слов, за которые десятеро других могли бы попасть в Сибирь; но князь не обращал на них внимания, следуя примеру царя, который все спускает этому человеку, пока не окончилось его предприятие. Говорят, однако же, что в этот день, несмотря на такое терпение царя, он сильно рассердил его величество тем, что во время разговора не давал выговорить ему ни одного слова и не обращал никакого внимания на многократную просьбу замолчать хоть на секунду и выслушать ответ, так что государь плюнул ему наконец в лицо и удалился. Царица с дамами оставалась в саду до конца фейерверка, но принцесс, по причине вечерней прохлады, давно уже не было. Так кончилось празднование Полтавского сражения, и мы разошлись все по домам.

28-го его высочество произвел графа Бонде в полковники и генерал-адъютанты. Граф принадлежит к одной из древнейших фамилий в Швеции и довольно богат; он имел брата и сестру при шведском дворе, которые были очень привержены к его высочеству, но его самого герцог до сих пор не знал, потому что он находился уже 12 лет в плену, а перед тем долго путешествовал по Франции и Германии. Замечательно, что он получил свободу в тот самый день, в который за 12 лет попался в плен в Полтавском сражении будучи капитаном лейб-регимента и адъютантом фельдмаршала Реншильда. Его высочество приказал мне объявить, чтоб я всегда, когда он будет кушать не дома, стоял у стола, подавал суп и потом удалялся. Но это распоряжение, по представлению тайного советника Бассевича, было оставлено и заменено следующим порядком для наших кавалеров: всякий день трое должны находиться на дежурстве и оставаться в покоях его высочества, когда он дома, и всюду следовать за ним, когда он выезжал со двора, – один как генерал-адъютант, другой как камер-юнкер, третий как гоф-юнкер. Генерал-адъютантами были граф Бонде, действительным, и полковник Лорх исправляющим эту должность; но камер- и гоф-юнкеров было только двое, именно Геклау и я; поэтому подполковнику Сальдерну приказали заменить камер-юнкера, а майору Эдеру гоф-юнкера. Последний только после моего отъезда из Ревеля приехал туда из Вены, где в прошедшем году принят его высочеством в нашу службу; до тех пор он служил в Австрии кирасирским ротмистром. Только из Риги, как я слышал, получил он приказание ехать сюда. Граф Бонде, камер-юнкер Геклау и я остались вместе, а трое других начали в этот день в первый раз свое дежурство: генерал-адъютант по прочтении пажом молитвы принимал от его высочества шляпу, а камер-юнкер подавал ему стул, позади которого оставался вместе с гоф-юнкером до тех пор, пока его высочество не выпил (?) и не подал им знака отойти; после чего камер-юнкер прислуживал государю по заведенному порядку. Другой камер-юнкер, не дежурный, сидел за столом вместе с прочими, но должен был постоянно накладывать и подавать кушанья. Когда отобедали, паж подает шляпу полковнику, который подносит ее его высочеству. По уходе герцога в свои покои кушанье немного разогревали, и дежурные вместе с другими придворными служителями садились за тот же стол.

29-го, в день св. Петра и Павла, было тезоименитство царя, которое здесь почти более празднуется, чем день его рождения. Около 11 часов утра его высочество с камергером Нарышкиным и со всею своею свитою отправился в длинную галерею, находящуюся в аллее, которая ведет к царскому саду. Там они остались и ожидали его величества царя, который скоро приплыл на верейке с противоположной стороны, из церкви, при пушечной пальбе с крепости. Когда царь подъехал к галерее, его высочество с иностранными министрами и некоторыми из нашей свиты сошел вниз по маленькой лестнице, ведущей к воде, и встретил его величество, который, по своему обыкновению, тотчас нежно обнял и поцеловал его, поблагодарив за поздравление. Отсюда царь пошел скорыми шагами (так, что немногие поспевали за ним) к площадке против галереи, где стояла в строю вся гвардия, как в день празднования коронации. После первого залпа из ружей он хотел поспешно удалиться: вероятно, ему или очень хотелось кушать (так как он обыкновенно обедает в 11 часов), или он был занят какими-нибудь мыслями и забыл про обычный порядок, по которому эти залпы повторялись три раза. Но князь Меншиков побежал за ним и спросил, не угодно ли ему будет остаться до окончания стрельбы. Тогда царь воротился, выждал, пока все кончилось, и ушел, попросив его высочество опять приехать в сад после обеда. Уходя, он сильно тряс головой и подымал плечи, что было признаком, что мысли его заняты чем-нибудь и что он в дурном расположении духа. Его высочество поэтому тотчас отправился домой и смотрел из окна на гвардейские полки, проходившие с громкою музыкой мимо его дома. Мне очень хотелось знать, как офицеры отдадут честь его высочеству. Но они не салютуют никому, не исключая и царя, а потому только наклонили немного вперед свои пики и потом сняли

шляпы; гренадерские же офицеры только прикоснулись к своим. После обеда его высочество опять отправился в царский сад со всеми своими кавалерами, в парадных платьях. При входе туда мы слышали обыкновенную музыку – трубы, которые приветствовали его высочество. В саду не было еще ни царя, ни царицы, ни принцесс; поэтому герцог пошел в красивую рощицу перед царским дворцом, где мы нашли множество дам, ожидавших, как и мы, выхода царицы. При появлении его высочества они встали и, несмотря на все его просьбы, никак не хотели опять сесть.

Портрет герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского. Художник Д. фон Крафт. 1722 г.

Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский (1700–1739) – герцог Гольштейна из рода Готторпов, отец российского императора Петра III, племянник шведского короля Карла XII (сын его сестры Гедвиги Софии), зять Петра I и Екатерины I

Камер-юнкер Балк и царский камергер Нарышкин представляли их герцогу, желавшему с ними немного познакомиться. Хотя многие из них говорили по-немецки, однако же почти все притворялись, что не понимают этого языка и еще менее в состоянии говорить на нем, и отвечали всякий раз, когда к ним обращались, не знаю, не понимаю (nisnau). Старшая Головкина была одна из тех, которые довольно свободно и хорошо говорят по-немецки; других же дам, хорошо знающих этот язык и из которых многие шведки и немки, в этот раз не было ни одной. Наконец царица вышла, и его высочество поспешил к ней навстречу с приветствиями. С нею вышли и принцессы, прекрасно одетые, особенно старшая, на которой было желтое, богато вышитое платье. Его высочество гулял с ними несколько времени по саду, а когда царь возвратился с луга, где, как и в предшествовавшие празднества, стояла гвардия, которую его величество, по обыкновению своему, угощал водкой, он пошел с ним к тому месту, где министры и другие знатные особы сидели за стаканом вина и курили табак. Ее величество царица, узнав, как легко и охотно согласился царь в день празднования Полтавской победы на просьбу его высочества возвратить свободу графу Бонде, и желая таким же образом помочь одной особе, приказала осведомиться, не согласится ли герцог для нее исходатайствовать у царя свободу и прощение еще одному пленнику, присовокупив, что, с своей стороны, она уверена, что его величество царь не откажет в этой просьбе. Его высо-

чество, конечно, никак не мог отказаться сделать угодное государыне, тем более что она сама хотела навести его на удобный случай заговорить об этом с царем, и потому обещал употребить все старание для исполнения ее воли. Особа эта – шведский граф Дуглас, который хотя и находился несколько времени в плену в России, однако ж скоро был освобожден царем и сделан губернатором всей Финляндии. Незадолго он имел несчастье заколоть в собственном своем доме одного русского капитана, который, если не ошибаюсь, служил в гвардии; вследствие того его арестовали и привезли сюда. На военном суде, состоявшем из четырех членов, именно двух иностранных и двух русских офицеров, первые приговорили его к аресту на известное время на том основании, что убитый им капитан оскорбил его и напал на него в его доме; но оба русских присудили его к смерти, говоря, что если капитан и напал на него, то напал в его доме, где Дуглас, как полный хозяин, легко мог при помощи постоянно находившегося у него караула арестовать виновного или выгнать его вон, вовсе не имея надобности прибегать к убийству. Несмотря на справедливость такого приговора в глазах беспристрастных людей, царь был до того милостив к графу, что приказал только на три недели арестовать его и заставить работать в саду царицы, по истечении же этого срока освободить. Наказание, следовательно, было так легко, как только мог желать подсудимый. Но этот граф никогда не бывал доволен оказываемою ему милостью и всегда хотел еще большей, хотя не раз убеждался, что с ним поступали милостивее, чем он заслуживал. Точно так он был недоволен и в этот раз: приговоренный, против всякого ожидания, к столь умеренному наказанию, он начал хлопотать через своих родных и знакомых, в особенности через семейство Балк, очень любимое царицею, о получении полной свободы; а как государыня вообще чрезвычайно милостива и сострадательна, особенно к шведам, то и приняла в нем живое участие. Герцог только что хотел идти к ее величеству и переговорить с нею о том, как лучше начать дело, как встретил генерала Ягужинского, к которому он, равно как и тайный советник Бассевич, имеет неограниченное доверие. Его высочество тотчас же рассказал ему о желании царицы, но генерал знал уже обо всем от нее самой. Желая искренно добра его высочеству, он говорил, что не советует исполнять эту просьбу, которая может повлечь за собою неприятные последствия. Но так как герцог не находил средства поблаговиднее уклониться от возложенного на него поручения, то Ягужинский просил предоставить дело ему и обещал все так устроить, что государыня не захочет более настаивать на своем намерении и, кроме того, не заметит, что они сговорились или что его высочество неохотно исполняет ее желание. Они пошли вместе к царице, и когда она опять заговорила о своей просьбе, генерал начал представлять ей, как дурны могут быть последствия, если его высочество, испросив только за два дня свободу графу Бонде, снова станет подобною же просьбою утруждать царя, тем более что всем известно, как милостив был его величество с этим Дугласом и как недовольны остались русские избавлением его от смертной казни, замененной весьма легким наказанием, – неудовольствие, которое еще более усилится, когда они узнают, что он совершенно освобожден по просьбе его высочества. К этому он прибавил еще, что удивляется желанию Дугласа освободиться от такого незначительного наказания, как его краткий арест, который вовсе не позорен и после которого, как он очень хорошо знает, царь возвратит ему прежнюю должность, что три недели нетрудной работы не изнуряет его и не лишат хорошей пищи и питья; что он, Ягужинский, уверен, впрочем, в полной готовности его высочества ходатайствовать за арестанта, если это только непременно угодно ее величеству; но что, наконец, еще вопрос, согласится ли царь исполнить такую просьбу и может ли он исполнить ее благовидным образом. Государыня вполне согласилась с генералом и приказала оставить это дело. Погуляв немного по саду с ее величеством, его высочество пошел в галерею, где обыкновенно танцуют, и когда царь также туда пришел, начали танцевать как в последний раз, то есть царь с царицею, его высочество с старшею принцессою, а князь Меншиков с младшею. По окончании этого веселого танца выбирали некоторых из наших кавалеров, в

том числе и меня, а потом я имел еще честь танцевать с младшею принцессою английской танец. После бала, продолжавшегося довольно долго, все отправились по домам, и мы радовались, что можем отдохнуть после всех этих празднеств. В этот день граф Бонде, камер-юнкер Геклау и я в первый раз были дежурными при его высочестве.

30-го князь Меншиков и большая часть министров и русских вельмож были с визитами у его высочества, который принимал каждого по чину. После обеда царь прислал просить его высочество приехать в Адмиралтейство. В этот день я не был дежурным и, к несчастью, ушел со двора, пропустив таким образом удобный случай побывать там. После я сожалел о том еще более, узнав, что его величество царь сам водил везде его высочество и показывал ему все до малейшей подробности. Бывшие с его высочеством перевозносили необыкновенный порядок, в котором содержится там множество больших и мелких вещей, необходимых для кораблестроения. Все они там же и приготавливаются. Несмотря на то что русский флот состоит из тридцати с лишком линейных кораблей и снабжен всем в избытке, в Адмиралтействе собрано, говорят, такое количество материалов, что можно снарядить еще почти такой же флот.

Июнь

23-го, утром, приехал граф Пушкин и объявил, что его величество царь намерен устроить после обеда увеселительное катание по Неве на всех здешних барках и верейках, на которое приказал пригласить и его высочество. Он (Пушкин) хотел заехать за нами, когда выкинут флаг. Здесь так заведено, что если в двух или трех определенных местах города вывешиваются флаги, то все барки и верейки или, смотря по флагу, все яхты, торншхоуты и буеры должны собираться по ту сторону реки, у крепости. Для не являющихся по этому знаку положен большой штраф. После обеда, в назначенный час, явился граф Пушкин, и мы отправились, взяв с собою как барку, так и обе наши верейки. Подъехав к реке, мы увидели, что все ушли уже довольно далеко, почему велели грести сильнее, и скоро догнали флотилию. Впереди ее плыл адмирал маленького флота (который составляют все упомянутые небольшие суда), имевший на своем судне, для отличия, большой флаг. Прочие суда должны следовать за ним и не имеют права обгонять его. Царь ехал недалеко позади, на барке царицы; он стоял у руля, а царица с обеими принцессами, своими дамами и камер-юнкерами сидела в каюте. Проплыв довольно далеко, адмирал поворотил назад, а все следовавшие за ним остановились и выждали, пока он не прошел мимо. В это время мы поравнялись с царскою баркой, и его высочество, вышед из задней каюты, кланялся царю, царице и принцессам, которые отвечали на его поклоны из своих окон. Мы постоянно оставались потом близ этой барки с правой стороны. Валторнисты царицы, данные ей Ягужинским, играли попеременно с нашими, которые на барке стояли позади, царские же впереди. Чудный вид представляла наша флотилия, состоявшая из 50 или 60 барок и вереек, на которых все гребцы были в белых рубашках (на барках их было по 12 человек, а на самых маленьких верейках не менее 4-х). Удовольствие от этой прогулки увеличивалось еще тем, что почти все вельможи имели с собою музыку: звуки множества валторн и труб беспрестанно оглашали воздух. Мы спустились до самого Екатерингофа, куда приехали очень скоро, потому что плыли по течению реки, да и, кроме того, водою туда от города не более четырех верст. Когда его высочество проезжал мимо Адмиралтейства, царь закричал ему, что в четверг будет спущен на воду новый корабль. По приезде в Екатерингоф мы вошли в небольшую гавань, в которую едва ли могут свободно пройти два судна рядом. Все общество по выходе на берег отправилось в находящуюся перед домом рожицу, где был накрыт большой длинный стол, уставленный холодными кушаньями, за который однако ж порядочно не сажались; царь и некоторые другие ходили взад и вперед и по временам брали что-нибудь из поставленных на нем плодов. Царица была так милостива, что собственноручно подала каждому из нашей

свиты по стакану превосходного венгерского вина. Камер-юнкеры ее величества также не оставляли усердно угощать нас. Когда обе принцессы пошли немного гулять, его высочество, по совету генерал-майора Ягужинского, испросил у царицы позволения быть вместе с ними, на что ее величество и согласилась. Герцог последовал за принцессами, и когда они, увидав его, остановились, сделал им реверанс и пошел с обеими под руку. Перед ними шел камер-юнкер царицы, а позади их следовала большая свита дам. Разговаривали во время этой прогулки мало, потому что его высочество и принцессы были еще несколько застенчивы друг с другом, а наши кавалеры не могли много занимать дам по незнанию русского языка. Походив немного, они воротились и подошли к царице, которая пригласила герцога сесть на свою скамейку вместе с обеими принцессами. Рядом с ним, по правую руку, села старшая, а подле нее меньшая; налево же возле его высочества сидела царица. Вдовствующей царицы с дочерью и великого князя с его сестрою в этот раз не было, но придворные дамы почти все участвовали в нашей поездке. Так как царь разговаривал со своими приближенными, а другие царственные особы сидели довольно смирно, то Ягужинский, заметив, что они со вниманием слушают трубачей, игравших в роще (из которых один был отличный), подошел и сказал царице, что у его высочества есть два валторниста, которым едва ли найдутся подобные. Ее величество пожелала их слышать; они явились и превосходно сыграли несколько пьес. Царица и принцессы слушали с большим вниманием и восхищались игрою. Между тем стало уже становиться довольно поздно. Ее величество встала, чтобы напомнить царю, что пора ехать назад, и в это время незаметно вручила камер-юнкеру Монсу двенадцать червонцев для передачи валторнистам. Но так как государю не хотелось еще ехать, то начали опять разносить большие стаканы с венгерским, от которого мы порядочно опьянели. Наконец собрались в обратный путь. Его высочество хотел вести к барке царицу, но она, как бы не замечая того, обернулась и подала руку другому, чем доставила случай герцогу вести старшую принцессу. Назад мы поехали совсем иначе – через канал – и вошли опять в реку только позади летнего дворца царицы. Было уже темно, и вода стояла совершенно спокойно. Перед окнами принцесс мы велели гребцам остановиться, и валторнисты, по приказанию его высочества, сыграли прекрасный ноктюрн. После того мы отправились домой. Гребцы от усиленной работы были так утомлены, что едва могли говорить, почему его высочество приказал выдать им несколько червонцев на водку. Валторнистам, которые в этот день очень много играли, герцог велел также дать 10 червонцев. Они, следовательно, всего получили 22 червонца. Пожелав его высочеству доброй ночи, я отправился домой, но проходя мимо квартиры бригадира Ранцау, увидел там гостей и вспомнил, что утром его высочество приказал, чтоб у него была тост-коллегия, на которую сам, по причине нашей поздней поездки, не мог приехать. Я вошел, думая, что они скоро разойдутся, но оказалось, что они только что сели за ужин, к которому поджидали нас. Мы просидели до поздней ночи, и так как у меня еще до этого шумело в голове, то я воротился домой полупьяный. 24-го я с придворным проповедником и с Дювалем ходил в Адмиралтейство смотреть новый корабль, который, как говорил вчера его величество царь, назначался к спуску со штапеля 27-го числа. Корабль этот 64-пушечный и построен французским мастером, присланным царю на несколько лет из Франции. Мы застали там переводчика этого мастера, с которым Дюваль был знаком, и он водил нас по всему кораблю. После того мы осмотрели несколько и самое Адмиралтейство. Оно имеет внутри большое, почти совершенно четырехугольное место (которое с трех сторон застроено, а с четвертой открыто на Неву), где корабли строятся и потом спускаются на воду. Против открытой стороны находится большой въезд, или главные адмиралтейские ворота; над ними устроены комнаты для заседаний Адмиралтейств-коллегии и поднимается довольно высокая башня, выходящая, как я говорил уже прежде, прямо против аллеи, называемой проспектом, через который въезжают в Петербург и который в середине вымощен камнем, а с боков имеет красивые рощицы и лужайки. Обе стороны адмиралтей-

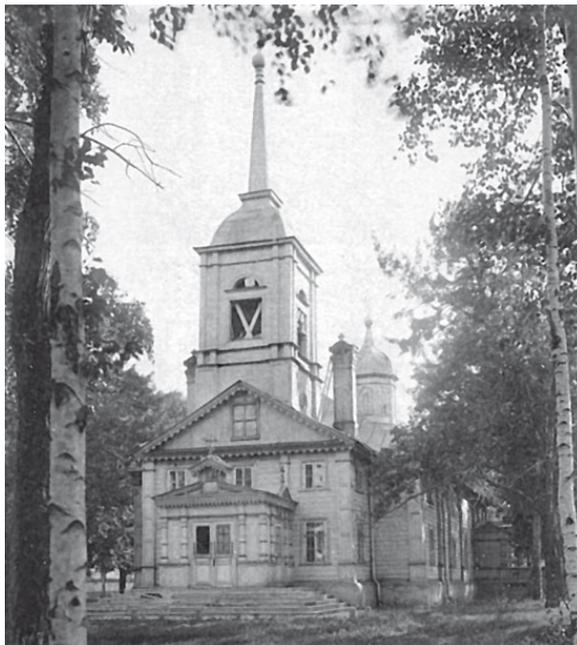
ского здания, идущие флигелями к воде и окаймляющие вышеупомянутое четырехугольное место, наполнены огромным количеством корабельных снарядов – парусов и канатов, хранящихся в большом порядке. По мере того как их употребляют в дело, комнаты, ими занимаемые, наполняются новыми. Там же живут и работают все принадлежащие к Адмиралтейству мастеровые. Подле здания стоят большие кузницы. В одном из флигелей устроена обширная зала, где рисуют и, если нужно, перерисовывают мелом вид и устройство всех кораблей, назначаемых к стройке. Вне и внутри адмиралтейского здания наложено множество всякого рода корабельного леса; но еще большее его количество лежит в ближайших каналах, откуда его берут по мере надобности. Он пригоняется большими плотами из дальних мест России и обходится царю несравненно дешевле, нежели в других государствах. Все это огромное Адмиралтейство обведено снаружи валом (с бастионами со стороны реки), который окружен довольно широким и глубоким каналом, а с внутренней стороны обрыт небольшим рвом. Близ здания Адмиралтейства по направлению к галерной гавани строится прекрасная каменная церковь, которая будет принадлежать к нему; после крепостной³ церкви она, говорят, будет лучшею в Петербурге, потому что все прочие, исключая церкви князя (Меншикова), плохие, деревянные. Кроме этих двух церквей, т. е. крепостной и адмиралтейской, самые красивые здесь – церковь Св. Троицы и та, которую выстроил князь Меншиков на Васильевском острове, недалеко от своего дома. Последняя каменная, но первая, находящаяся по ту сторону реки, у здания Коллегий, деревянная с широкою открытою колокольнею, на которой много колоколов и небольшие куранты, играющие сами собою через каждую четверть часа «Господи, помилуй». Ее обыкновенно посещает царь во время богослужений. На церкви князя Меншикова, внутри хорошо расписанной и вызолоченной, есть также небольшая красивая башня с порядочными курантами. Крепостная церковь, как я уже сказал, самая большая и красивая в Петербурге; при ней высокая колокольня в новом стиле, крытая медными, ярко вызолоченными листами, которые необыкновенно хороши при солнечном освещении. Но внутри этот храм еще не совсем отделан. Куранты на его колокольне так же велики и хороши, как амстердамские, и стоили, говорят, 55 000 рублей. На них играют каждое утро от 11 до 12 часов; кроме того, каждые полчаса и час они играют еще сами собою, приводимые в движение большою железною машиною с медным валом. Эта прекрасная церковь построена вся из камня и не в византийском, а в новом вкусе, внутри с крепкими сводами и колоннами, снаружи с великолепным портиком, находящимся под колокольнею. Но кроме сводов, колонн и окон, в ней еще ничего не готово. Осмотрев Адмиралтейство, мы отправились к упомянутому корабельному мастеру и распили у него несколько стаканов шампанского и бургонского. Потом я пошел к посланнику Штамке, у которого вечером назначена была тост-коллегия.

Август

20-го, утром, при дворе была проповедь, а вечером, до поздней ночи, праздновался в длинной галерее день рождения третьей царской принцессы, Наталии. Ей исполнилось в этот день три года. Его королевское высочество с своею свитою, в парадных платьях, нарочно отправился туда немного ранее и нашел уже там большую часть вельмож; только царской фамилии не было еще, но и она скоро съехалась. Так как царь, царица и принцессы приезжали одни за другими, то его высочество всякий раз выходил к ним навстречу и провожал царицу и обеих принцесс от барок до комнат, где происходило празднество и где собралась уже вся здешняя знать обою пола.

---

³ Деревянный Петропавловский собор.

Церковь во имя Святой Живоначальной Троицы – несуществующий в настоящее время храм, который находился в Санкт-Петербурге, на Васильевском острове в Галерной гавани

Царь приехал на своей обыкновенной небольшой верейке, или шестивесельной шлюпке. На закрытых барках, какие большею частью употребляются здешними вельможами, он никогда не ездит, какова бы ни была погода. Встреченный его высочеством также у выхода на берег, он взшел на галерею, приветствовал все общество и потом отправился в боковую комнату, где находилось духовенство (всегда принимающее участие во всех торжествах). Сев там за стол, его величество так заговорился с духовными особами, что совсем забыл о других. Его долго ждали, и никто не садился за стол до тех пор, пока он не прислал сказать, чтоб сядились и не ждали его. Царица же, кушавшая в галерее с принцессами и со всеми прочими дамами, села за свой стол уже прежде, тотчас по приезде царя. Его величество пробыл с духовенством довольно долго; но наконец возвратился к вельможам, сел вместе с ними и кушал и пил еще раз с большим аппетитом. После ужина начались танцы; но за множеством гостей и теснотою галереи редко можно было пробраться сквозь толпу и поглядеть на танцевавших. Здесь я в первый раз видел молодого польского графа Сапегу, который приехал в Петербург уже после отъезда царя в Кронслот, однако ж был там и участвовал во всех увеселениях. Этот граф (который моих лет и моего росту, но еще не служит) принадлежит к одной из знатнейших фамилий в Польше, где, говорят, имеет большие поместья. Он сговорен с старшею дочерью князя Меншикова, которой около 10 лет и которая поэтому еще довольно мала, но при всем том очень милая девушка. С ним была большая свита поляков в национальных костюмах; но сам он и его прислуга были одеты по-французски. Я уже в этот раз заметил, что он оделся совершенно по вкусу князя Меншикова: на нем были красный шитый кафтан на зеленой подкладке и зеленые чулки. Манеры его, впрочем, довольно хороши, и танцует он сносно. Когда стемнело, галерея, где находилось все общество, и длинная аллея, идущая мимо нее до царского сада, а с другой стороны до Почтового дома, были иллюминированы, именно: галерея – изнутри (по окнам) пирамидами, уставленными, впрочем, только сальными свечами, аллея – бесчисленным множеством фонариков, развешанных по деревьям, близко один от другого и в прямой линии, что ее сильно освещало и было очень красиво как вблизи, так и издали. Празднество это, как я уже сказал, продолжалось до поздней ночи, причем больше танцевали, нежели пили.

21-го его высочество с дежурными и некоторыми другими кавалерами ужинал у тайного советника Геспена, где, говорят, был необыкновенно весел. В этот день царь и царица уехали опять в Петергоф и Кронслот, куда за ними последовал и генерал-майор Ягужинский. Его величество с большою поспешностью послал его оттуда в Финляндию с предложением (как полагают здесь за верное) касательно прав нашего герцога на наследование шведского престола. В то же время здесь сильно распространился слух, что царь приказал держать наготове 200 галер для вторичной высадки на берега Швеции и снабдить провиантом на 3 месяца 5 военных кораблей, чтобы в случае неприятия этого пункта можно было принудить к тому силою.

22-го тайный советник Бассевич давал обед иностранным министрам и камер-юнкерам царицы, Монсу и Балку, при чем много пили.

23-го я ужинал у царского подкухмистра. В этот день не случилось ничего особенного.

24-го, после обеда, его высочество ходил гулять в царский сад, куда только ему со свитою предоставлен свободный вход во всякое время. Там он имел счастье встретить обеих принцесс, с которыми прогуливался, сидел в одной из беседок и разговаривал. Разговор их, впрочем, был невелик, потому что они, как мало друг с другом знакомые, были все еще как-то застенчивы. Потом они еще несколько времени гуляли, и когда начало становиться поздно, его высочество, ходивший постоянно между обеими принцессами, проводил их во дворец. Поцеловав им прекрасные руки, он отправился домой в полном удовольствии от этой приятной и неожиданной встречи.

25-го капитан Курке, который был женат на одной из сестер моего покойного отца, простился со мною и отправился опять в Казань, где стоит его полк. Его присылали сюда на короткое время с казенными деньгами и с какою-то просьбою. Прежде он находился в шведской службе, но потом вместе с многими другими офицерами по необходимости должен был вступить в здешнюю. Родом он, если не ошибаюсь, лифляндец и уже немолод, но человек очень приятный и добрый.

26-го его высочество ездил после обеда к генеральше Балк в карете, в которую в первый раз запрягли шесть больших лошадей, приведенных недавно из Гамбурга.

27-го, утром, при дворе была проповедь, и так как случился постный день герцога, то не обедали до 5 часов, потому что его высочество хотел кушать не дома.

28-го его высочество обедал у прусского тайного советника Мардефельда, где были также почти все русские министры; но из нашей свиты не было никого, кроме обоих тайных советников и графа Бонде. По случаю тезоименитства младшей принцессы его высочество посылал ко двору полковника Лорха с поздравлением. Так как их величества за несколько дней перед тем уехали в Петергоф, то день этот праздновался в тишине, у принцесс, в обществе придворных дам и немногих кавалеров.

29-го его высочество был после обеда у князя Репнина, приехавшего сюда недавно из Риги. В этот день я с придворным проповедником и с ассессором Сурландом ходил в царскую Кунсткамеру, собранную его величеством царем с большими издержками и заключающую в себе множество замечательных предметов по части естественной истории и других. Там между прочим находится живой человек без половых органов, вместо которых у него род грибообразного нароста, похожего на коровье вымя и имеющего посредине мясистый кусок величиною в талер, откуда постоянно выходит густая моча. К наросту, для сохранения в чистоте белья, привязан пузырь, куда она стекает. Все это до того отвратительно, что многие вовсе не могут видеть бедняка. Поэтому легко себе представить, каково ему. Впрочем, он свеж и здоров, рубит дрова и исправляет разные другие работы; но жить должен в особой комнате, потому что распространяет от себя невыносимый запах. Человек этот, как говорят, из Сибири, и родители его зажиточные простолудины. Он охотно дал бы сто рублей и более, чтобы только получить свободу и возвратиться на родину, откуда родственники должны

были выслать его вследствие царского указа, повелевающего препровождать в Петербург из всего государства все неестественное и неизвестное в каком бы то ни было роде. Губернаторам предписано точно исполнять его под страхом тяжкого наказания. Вот почему здесь набрано такое множество предметов по части естественной истории и самых разнообразных уродов. Между анатомическими препаратами находятся и собранные в Амстердаме знаменитым доктором Рюйшем (Ruysch), которые царь купил у его наследников за 10 000 рублей. В Кунсткамере расставлено большое количество сосудов, в которых сохраняются в спирту всякого рода звери, птицы, рыбы, змеи и тому подобные, также разные части человеческого тела, целые трупы, уроды, зародыши обоего пола. Далее показываются все артерии и нервы человеческого тела, сделанные из цветного воску. Между многими другими подобными предметами я особенно заметил голову, в которой превосходно сделаны из красного воску все артерии, изображающие сложное устройство мозга, потом – постепенное развитие человеческого зародыша от первого зачатия. В сосудах, наполненных спиртом, можно видеть: матку, перед отверстием которой лежит младенец с совершенно образовавшимися головою и лицом, множество младенцев, вырезанных из утробы, с кожей и без кожи, человеческого уроды с одною головою, но двумя лицами, много других уродов с двумя головами, четырьмя руками, четырьмя ногами, многими пальцами и т. д.; постепенное видоизменение лягушек и их зарождение из головастика; животное *pigritia* (названное так по причине медленности его на ходу – оно может делать не более 20 шагов в день) с короткими ногами и широкою мордою, обросшею волосами*; особенный род лягушек, рождающихся из спины самки, что и видно на одной из них, очень широкой, из которой выходят до 20 детенышей, частью до половины, частью только головою; еще одно большое животное, называемое *philander* (с белою шерстью, похожее на молодую кошку), у которого под брюхом род мешка, куда оно собирает своих детенышей, когда переходит или переплывает с места на место (в этом мешке и было их несколько), и мн. друг. Мы осматривали еще шкаф, наполненный сосудами с *partes genitales feminae* разной величины, и другой – с восковыми изображениями *partium genitalium viri*, из которых можно видеть, что нижняя, мясистая их часть состоит только из нервов; потом видели взрезанную утробу, с большою кишкою внизу и пузырем сверху, где все артерии сделаны из красного воску, и полный *foetus* (зародыш) в его естественном положении. Кроме того, нам показывали свинью с человеческим лицом (обросшим, впрочем, щетиною), которую только недавно привезли сюда из-за Москвы миль за 100. Наконец мы видели нескольких живых мальчиков, имеющих на руках и на ногах только по два пальца, которые похожи на клешни рака, однако ж не мешают им ходить, поднимать и брать деньги, и проч. При Кунсткамере находятся прекрасный мюнц-кабинет и довольно большая библиотека, собранная большею частью в Польше. При ней же помещается особо и библиотека бывшего лейб-медика Арескина, состоящая преимущественно из книг медицинских, физических и философских, но дорогих и редких. Все книги красиво переплетены. Теперешний библиотекарь, Шумахер, послан за границу для покупки разных редкостей. В его отсутствие место его занимает один аптекарь, который заведует Кунсткамерою.

Сентябрь

5-го его королевское высочество не выходил к молитве и приказал не впускать к себе никого, кроме тайных советников. К довершению досады, в полдень на нашем дворе собрались все литаврщики, трубачи, гобоисты и барабанщики находящихся здесь полков и неожиданно приветствовали нас музыкою на заключение мира, что нам было вовсе неприятно, а герцогу стоило только денег. По здешнему старинному обычаю они разделились потом на партии, чтобы быть с своим поздравлением у всех вельмож в одно время. Немного спустя приехали к нам два царских камергера, Пушкин и Нарышкин, для приглашения его высочества от имени царя на празднество по случаю приходившегося в этот день рождения прин-

цессы Елисаветы и, предварительно, на увеселительное катанье по Неве, для чего на канале, перед домом его высочества, тотчас явился торншхоут (очень покойное судно величиною с обыкновенный галиот). Герцог поневоле должен был принять это приглашение. Откушав в своей комнате и дождавшись обыкновенного сигнала – пушечного выстрела с крепости, он сел с нами в торншхоут и отправился на противоположную сторону реки, к дому Четырех Фрегатов, где при подобных катаньях всегда бывает сборное место. Когда мы прибыли туда, его королевское высочество вышел из своего судна и перешел на царицыно, где находился также и царь, который тотчас обнял его высочество и долго говорил ему что-то на ухо. Потом герцог опять пересел на свой торншхоут, и мы с множеством буеров, торншхоутов и яхт начали разезжать взад и вперед по Неве, при чем все постоянно следовали за адмиралом буеров (который всегда находится впереди и для отличия имеет на своей мачте большой флаг). Как при подобных катаньях, так и при катаньях на барках и верейках никто не имеет права перегонять его; кроме того, когда он поворачивает, все должны также поворачивать; наконец, никто, под штрафом, не может уехать домой, пока он не подаст установленного для того сигнала и не опустит своего флага. Если он своими маленькими пушками салютует крепость или Адмиралтейство, то и все прочие суда, снабженные пушками, делают, по данному сигналу, то же самое, что в этот раз все и происходило. В продолжение нашей прогулки валторнисты и другие музыканты оглашали воздух веселыми звуками, потому что почти у всех вельмож была с собою музыка. Все это было бы нам очень приятно, если б мы при том могли быть веселыми. Поездив таким образом несколько времени, мы остановились у Почтового дома (где очень часто справляются случающиеся празднества), и их величества с принцессами и его высочество с своею свитою отправились туда. Царь с герцогом и с знатнейшими кавалерами тотчас пошел в большую залу и сел за стол, а царица с дамами поместилась особо в смежной комнате. Его королевское высочество сидел подле царя с правой, а князь Меншиков с левой стороны. На стороне его высочества сидели, возле него – прусский министр Мардефельд, потом – наши министры, на стороне же князя все русские вельможи, как кому пришлось. За этим обедом так называемый князь-папа страшно шумел. Потом он встал, принес трубки и табак и уселся с ними опять за царским столом. В большой зале и в боковых комнатах стояли еще длинные узкие столы, за которыми сидели все гражданские, придворные и военные чины. В другой большой зале царица с принцессами, маленьким великим князем и его сестрою, вдовствующею царицею и ее дочерьми и с знатнейшими дамами кушала за большим овальным столом, превосходно убранном. Все дамы были в самых парадных платьях. По окончании обеда столы из этой залы были вынесены и царь, взяв его высочество за руку, сам повел его к дамам, где начали танцевать. Царь однако ж тотчас же вернулся к мужчинам и просидел с ними почти все время. Танцы продолжались до 11 часов, после чего его королевское высочество, в одно время с их величествами, отправился домой.

6-го двор наш был немного веселее вчерашнего, потому что царь уверил герцога, что иначе никак не мог заключить мира с Швециею, и в то же время торжественно обещал вполне удовлетворить его королевское высочество и без того не отпускать от себя. Между тем нам стороною дали заметить, что царь вчера остался не совсем доволен нашими печальными лицами. Но могли ли мы быть веселыми? Заговорили также о браке с старшею принцессою, и это нам польстило. Наши тайные советники обедали в этот день у князя Меншикова. После обеда некоторые из нас осматривали большой находившийся в Шлезвиге, глобус, который 8 лет тому назад с согласия епископа-администратора был привезен сюда. Говорят, он был в дороге четыре года. До Ревеля его везли водою, а оттуда в Петербург сухим путем на особо устроенной для того машине, которую тащили люди. Рассказывают также, что не только надобно было расчищать дороги и прорубать леса, потому что иначе его с машиной нельзя было провезти, но что будто при этом даже погибло и много народа. Он стоит на лугу, про-

тив дома его королевского высочества, в нарочно сделанном для него балагане, где, как я слышал, его оставят до окончательной отделки большого здания на Васильевском острове, предназначенного для Кунсткамеры и других редкостей, куда поместят и его. Присмотр за ним до сих пор еще имеет перевозивший его сюда портной, родом саксонец, но долго находившийся в Шлезвиге. Поставленный здесь только на время, он стоит покамест нехорошо: около него нет даже галереи, бывшей при нем в Шлезвиге и представлявшей горизонт; она теперь сохраняется особо. Наружная сторона глобуса, еще нисколько не попорченная, сделана из бумаги, наклеенной на медь, искусно разрисованной пером и раскрашенной; во внутренность его ведет дверь, на которой изображен Голштинский герб, и там, в самой середине, находится стол со скамьями вокруг, где нас поместилось 10 человек. Под столом устроен механизм, который сидевший вместе с нами портной привел в движение; после чего как внутренний небесный круг, на котором изображены из меди все звезды сообразно их величине, так и наружный шар начали медленно вертеться над нашими головами около своей оси, сделанной из толстой полированной меди и проходящей сквозь шар и стол, за которым мы сидели. Около этой же оси, посередине стола, устроен еще маленький глобус из полированной меди с искусно награвированным на нем изображением земли. Он остается неподвижным, когда вокруг него обращается большая внутренняя небесная сфера, между тем как стол образует его горизонт. На том же столе в одно время со всею машиною вертится еще какой-то медный круг, назначение которого мне не могли объяснить. Скамьи вокруг стола с их спинками составляют медный круг с разделением горизонта большой внутренней небесной сферы. На наружной стороне глобуса находится латинская надпись, гласящая, что *illus-trissimus ac celsissimus princeps ac dominus, dux Holsatiae Fredericus* (светлейший герцог Голштинский Фридрих) из любви к наукам математическим приказал в 1654 году начать сооружение этого шара, которое продолжал *ipsius successor, gloriosissimae memoriae, Christ. Albertus* (наследник его, вечнодостойная памяти Христиан Альберт) и наконец окончен в 1661 году, *sub directione Olearii* (под управлением Олеария), после которого названы также *fabrikator* и *architektor* всей машины, уроженцы города Люттиха, и еще два брата из Гузума, которые как наружный шар, так и внутреннюю небесную сферу разрисовали пером, описали и раскрасили. Когда этот глобус будет перенесен в новый дом, царь намерен привести его опять в движение посредством особенного механизма, чтоб он вертелся без помощи человеческих рук, как прежде в Готторпском саду, где приводился в движение водою. После обеда его высочество ездил к князю Меншикову. Там был также и царь, и они переговорили обо всем нужном для назначенного уже маскарада.

Октябрь

1-го его королевское высочество ужинал с некоторыми из нас у посланника Штамке.

2-го наши тайные советники обедали у графа Кинского, а мы ужинали у тайного советника Геспена.

3-го его королевское высочество имел счастье быть после обеда у царицы, где оставался часа полтора. Ее величество лежала в постели. Герцог стал извиняться, что посещает ее во время болезни, но она указала на принцесс и сказала, что не делает никакого различия между ними и его высочеством, а потому и не задумалась принять его в постели. Вообще в этот раз государыня была необыкновенно милостива к его высочеству, и можно сказать наверно, что она его очень любит. Нас встречали у барки и провожали кавалеры ее величества. После, так как погода была очень хороша, мы катались еще несколько времени по реке и потом отправились домой.

Готторп – дворец-замок, в немецком городе Шлезвиг на острове в заливе Шлей.

До 1702 года – резиденция дома Гольштейн-Готторпов, представители которого правили Россией с 1761 по 1917 годы.

В настоящее время в Готторпе помещаются региональные музеи археологии, искусства и истории культуры

4-го его величество царь и большая часть масок отправились водою в Кронслот. Маски, под штрафом 100 рублей, должны были ехать туда; но иностранные министры, дамы и его королевское высочество были избавлены от этой обязанности, тем более что царица и принцессы также не участвовали в поездке. Однако ж императорский министр граф Кинский поехал за царем, желая видеть Кронслот и флот. Из наших придворных некоторые тоже поехали, и я присоединился к ним тем охотнее, что не видал еще Кронслота. Ветер был сначала противный, и мы, несмотря на то что по данному сигналу отплыли из Петербурга с рассветом, должны были провести ночь на якоре в галерной гавани. На нашем торншхоуте мы нашли все удобства: он был достаточно снабжен как постелями, так и съестными припасами. Царь однако ж уезжал на несколько часов назад к царице, и потом опять присоединился к нашей флотилии.

5-го, поутру, ветер немного изменился, и мы, по сигналу адмирала буеров, стали опять под паруса, но все время должны были лавировать и потому прибыли в Кронслот (ныне Кронштадт) не прежде двух часов пополудни. Нас поместили в том же доме, где останавливался со своею свитою его высочество; но мы должны были взять с торншхоута постели, потому что не нашли там даже кроватей, не говоря уже о постелях. Дом этот принадлежит к зданиям Коллегий, расположенным четырехугольником по площади, через которую проходит начатый недавно большой, выложенный камнем канал, ведущий к докам, где починяются корабли. Все эти дома не только снаружи одинаковы и одной величины, но и стоят очень близко друг от друга; внизу около них вокруг идет галерея, по которой в дурную погоду можно удобно проходить из одного в другой. В нижних этажах везде помещаются лавки. Многие из вельмож имеют тут же свои дома, все прекрасные каменные дворцы, и так как все это место застраивается очень правильно и исключительно каменными домами, кроме предместий, где находятся бараки (деревянные казармы) и офицерские квартиры, то оно со временем будет весьма красиво, тем более что всем вельможам вменено в обязанность строить там дома. Оно не только укрепляется, но и снабжено уже со стороны моря хорошим бойверком. Несколько гаваней также уже совсем устроены и уставлены множеством пушек. По положению своему Кронштадт считается неприступным с моря, потому что корабли могут

подходить к нему только поодиночке через узкий пролив, который обстреливается с обеих сторон, как из гавани, так и с противоположного конца, где возвышается среди моря небольшая отдельная крепость, собственно называемая Кронслотом. Кроме того, корабль, чтобы попасть в гавань, должен проходить несколько верст близко под пушками еще другого укрепления. Все время после обеда мы провели в рассматривании гаваней.

6-го, после обеда, все маски собирались у царского дворца, красивого четырехугольного здания, стоящего отдельно у воды, откуда царь может разом обозревать все гавани и даже видеть еще большое пространство моря. Они ходили процессией по городу и вокруг военной гавани, где корабли стояли в величайшем порядке и делали чудный вид. После того маски были угощаемы царем, при чем так сильно пили, что не многие воротились домой без опьянения.

7-го царь с обоими своими министрами, бывшими на Нейштатском конгрессе, именно Брюсом и Остерманом, которых нашел в Кронштадте, поехал в Петергоф и хотел возвратиться в Петербург не прежде 9-го числа. Что касается до нас, то мы в полдень, при попутном ветре, пустились в обратный путь. На салюты нашей маленькой флотилии нам, как и по прибытии к Кронштадту, отвечали множеством пушечных выстрелов из крепости Кронслота и с батарей в гаванях. Возвратясь в Петербург довольно рано и узнав, что у Сурланда маленькое общество, я тотчас отправился туда и в числе прочих гостей нашел там г-жу Иоганну, камер-фрау царицы (которая ее очень любит), маленькую карлицу принцессы (чрезвычайно милую, приятную и веселую девушку), жену французского кухмистера царя и многих других друзей нашего двора. Но добрый тайный советник Геспен по возвращении своем получил неприятное известие, что на другой день после нашего отъезда у него украли шкатулку из комнаты его секретаря Швинга, которому он отдал ее на сохранение. Потеря эта была немаловажна, потому что в шкатулке, кроме разных вещей, было с лишком 800 червонцев. До сих пор, несмотря на все старания, не найдено еще ни малейшего следа вора. Легко себе представить, как чувствительна должна быть такая потеря тайному советнику Геспену, известному своей необыкновенною бережливостью.

8-го у нас при дворе обедали некоторые пленные шведские офицеры, которые перед тем присутствовали при проповеди. В этот день его высочество никуда не выезжал и ужинал в своей комнате. Вечером я справлялся, был ли его высочество в наше отсутствие у царицы, потому что он в последний свой визит просил ее величество позволить ему, в отсутствие царя, поговорить с нею наедине, для чего государыня и назначила 5-е число; но узнал, что этого свидания не было и что царица никого не присылала к герцогу, да вероятно, как по всему видно, и не посмела прислать. Между тем его высочество на днях подарил царице несколько превосходно вышитых венских платков.

9-го его высочество с некоторыми из нас ужинал у генерал-майора Штенфлихта.

10-го при дворе опять обедало несколько шведских офицеров, а вечером был ужин у Альфельда. В этот день царь со многими генералами отправился водою в Шлиссельбург для празднования, 11-го числа, взятия этой крепости. Его величество всякий год ездит туда, потому что сам находился при взятии Шлиссельбурга. При этом случае обыкновенно очень сильно пьют.

11-го у герцога обедали граф Сапега и некоторые другие, после чего его высочество опять был у царицы, где имел удовольствие видетсья и разговаривать с обоими принцессами, с которыми стал уже немного смелее и свободнее. Мы пробыли там часа два и выпили по несколько бокалов превосходного венгерского. Государыня сама изволила приглашать его высочество на завтрашний день, в который приходилось рождение великого князя. Вообще его высочество был очень доволен своим визитом и, вероятно, успел переговорить с ее величеством о деле, для которого испрашивал себе аудиенцию и которое она, конечно, примет к сведению. Сегодня же стали у нас говорить, что его королевское высочество также поедет в

Москву, в чем мы до сих пор очень сомневались, тем более что были уже совещания о том, куда лучше ехать в Германию. Его высочество после катался еще несколько времени по реке и отправился к Ягужинскому.

12-го по случаю рождения великого князя его высочество со своею свитою и со многими русскими вельможами поехал около 5 часов в галерею, находящуюся перед садом, в аллее, где назначено было праздновать этот день. По прибытии туда, в величайшем параде, ее величества, принцесс и прочих членов царской фамилии все сели за стол. Государыня кушала с дамами, а его высочество с мужчинами особо. Во всем был необыкновенный порядок, потому что угощала сама царица, а должность обер-маршала исправлял Ягужинский. Пили также далеко не так много, как обыкновенно в подобных случаях; напротив, всякий имел полную свободу пить или не пить. Тотчас после обеда, когда столы уже вынесли, чтобы начать танцевать, приехал из Шлиссельбурга его величество царь. Танцы продолжались потом в большой зале часу до двенадцатого, и праздник этот кончился очень весело. В Шлиссельбурге, говорят, пили чрезвычайно много и на каждом из бастионов, потому что его высочество был рад, что счастливо отделался от этой поездки.

13-го его высочество ужинал у Штамке.

14-го, утром, тайный советник (Бассевич) был на конференции у вице-канцлера Шафировова. Некоторые из нас обедали у камеррата Фика, который был прежде комиссаром, а потом полковым квартирмейстером в голштинской службе; во время войны он находился в Швеции в качестве тайного полушпиона и оказал царю важные услуги, устроив почти все Коллегии по шведскому образцу, за что получил прекрасные поместья в Лифляндии. Угостил он нас превосходно. В числе многих очень хороших детей у него есть почти взрослая дочь, которая с младенчества совершенно слепа, но несмотря на то отлично играет на клавесине и ходит как зрячая по всему дому, где знает каждый уголок. В этот день у герцога обедали некоторые лифляндцы, а после обеда он ездил к старой царице с поздравлением по случаю ее тезоименитства и оставался там часа два в обществе многих русских. Сегодня же получено было известие, что в Кронслот прибыл на шведском фрегате французский посланник Кампредон, который много лет, и отчасти при мне, был министром в Стокгольме. Его величество царь тотчас же поехал туда, любопытствуя не только видеть Кампредона, который, говорят, имеет также некоторые поручения от шведского правительства, но и осмотреть фрегат.

15-го. Во время проповеди приезжал к нам камергер Нарышкин; но его королевское высочество, страдая головною болью, весь день не выходил из своей комнаты.

16-го тайный советник Бассевич угощал некоторых пленных шведов, в том числе и трех дочерей шведского генерала Горна, которые долго находились здесь в плену и под конец несколько времени даже очень строго содержались в крепости. Одна из них замужем за нашим генерал-майором Шталем, который женился на ней, будучи также в плену, и после вымена своего не мог взять ее с собою в Швецию. У тайного советника обедали также его королевское высочество и тайный советник Остерман, который вчера только приехал с конгресса и был, говорят, необыкновенно милостиво принят царем, увидавшим его сегодня по возвращении своем из Кронштадта.

17-го у его королевского высочества обедали многие шведы, в том числе и Вагенер, капитан шведского фрегата, привезшего сюда Кампредона; он перед тем уже обедал у царя, который кушает обыкновенно в 11 часов. Этот капитан Вагенер, родом лифляндец и человек очень веселый и приятный, с восторгом говорил о милостивом к нему внимании царя как в Кронштадте, так и здесь. Он рассказывал, что 14-го числа его величество приезжал к нему на корабль, который так любопытен был видеть, что даже не стал говорить с Кампредоном на твердой земле, а просил его идти за собою на фрегат. Капитан салютовал приезд царя из всех своих пушек, так что от потрясения в каюте почти все окна разбились вдребезги. После того, по желанию государя, он угощал его корабельным обедом, при чем царь пил за

здоровье короля шведского, а капитан тотчас отвечал тостом за здоровье царя. Немного спустя царь провозгласил тост за счастливый мир, а капитан, с своей стороны, предложил еще другой и, когда царь спросил, за чье здоровье, сказал, что так как на фрегате приехал сюда французский министр, то прилично было бы выпить за здоровье его короля. Его величество очень охотно согласился. Затем царь пил еще за здоровье королевы шведской, а капитан за здоровье царицы. Каждый тост сопровождался 16-ю пушечными выстрелами; но когда царь начал пить за здоровье всех храбрых моряков, капитан, для отличия, приказал сделать только 8 выстрелов. Одним словом, царь пробыл у него около пяти часов, осмотрел с большим вниманием все углы корабля до малейших подробностей, входил даже в пороховую камеру и остался всем очень доволен. При его отъезде капитан опять салютовал ему из всех пушек. На другой день его величество пригласил капитана к себе, водил его по всем своим кораблям, показывал все подробности, и тот остался, кажется, также доволен здешними кораблями, потому что очень хвалил их устройство и уверял, что оно лучше и быть не может. Царь, говорят, просил после капитана сообщить ему список всего экипажа, которому намерен сделать подарки. Этот шведский фрегат, который из Стокгольма отплыл 6-го, а в Кронштадт прибыл 12-го числа, называется «Черным Орлом», имеет 34 пушки и 212 человек экипажа. За обедом у нас был распит не один добрый стакан вина. Ужинал его высочество у Штенфлихта.

18-го его высочество к обеду не выходил, а ужинал у Штамке. В этот день наши тайные советники были опять на конференции с Шафировым.

19-го посланник Кампредон присылал известить его королевское высочество о своем прибытии приехавшего с ним шведского подполковника Сикье, родом француза, того самого, о котором носился несправедливый слух, будто он застрелил короля Карла XII. После обеда у его королевского высочества были с визитами находившийся прежде в шведской службе генерал-лейтенант Вангерсгейм и камергер Балк. Потом герцог вместе с генералом Ягужинским ездил к графу Кинскому.

20-го меня посылали к посланнику Кампредону поздравить его от имени его высочества с приездом. Вечером герцог ужинал у посланника Штамке. В этот день гг. Брюс и Остерман, возвратившиеся из Нейштата, в первый раз были с визитом у его королевского высочества.

21-го у его королевского высочества обедали генерал-лейтенант Миних и Лефорт. После обеда у герцога был с визитом граф Кинский, а вечером его высочество ужинал у Штамке.

22-го. По случаю празднования в этот день мира с особенным торжеством, для которого уже давно делались большие приготовления, я заблаговременно отправился на другую сторону реки, чтобы посмотреть на церемонии, назначенные во время и после богослужения в церкви Св. Троицы, где находились уже его величество царь и все русские вельможи. Там по окончании литургии и прочтении ратификации заключенного с Швецией мира архиепископ Псковский сказал превосходную проповедь, текстом которой был весь первый псалом и в которой он, изобразив все труды, мудрые распоряжения и благодеяния его величества на пользу его подданных в продолжение всего царствования и особенно в минувшую войну, объявил, что государь заслужил название отца отечества, великого, императора. После сего весь Сенат приблизился к его величеству, и великий канцлер Головкин, после длинной речи, просил его от лица всех государственных сословий принять, в знак их верно подданнической благодарности, титул Петра Великого, Отца отечества и императора Всероссийского, который был повторен за ним и провозглашен всем Сенатом. За несколько дней перед тем государь повелел Сенату объявить по всему государству, что он все милостивейше дарует прощение и свободу всем находящимся под стражею и преступникам, кроме убийц и обвиняемых в преступлениях выше разбоя, так что освобождались даже и те, которые злоумышляли против его особы и были осуждены вечно на галеры; кроме того, что прощает все недоборы и

недоимки с начала войны по 1718 год (суммою на многие миллионы), потому что считает долгом благодарить Всевышнего за милость, оказанную как при заключении мира, так и в прежнее время, и лучшим средством для выражения такой благодарности полагает оказать милость же и хоть сколько-нибудь помочь страждущим. Этот указ был немедленно обнаружен по всему государству, и Сенат, в знак признательности, положил поднести царю помянутый титул, для чего и отправил к его величеству депутацию с всеподданнейшею просьбою принять его. Сначала государь, из скромности, не решался на это и пригласил к себе на другой день некоторых сенаторов и двух знатнейших архиепископов, чтобы отклонить такую просьбу; но благодаря их убеждениям и доводам изъявил наконец всемилостивейшее согласие на принятие нового титула. По окончании речи великого канцлера, среди радостных восклицаний внутри и вне церкви, при звуках труб и литавр, началась пальба из всех пушек крепости, Адмиралтейства и ста пятидесяти галер, прибывших накануне в ночь и расставленных по реке против здания Сената. В то же время загремел беглый огонь 27-ми полков, возвратившихся из Финляндии в составе 27 000 человек. Его величество отвечал Сенату следующими краткими, но достопамятными словами: «Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь Бог прошедшею войною и заключением сего мира нам сделал. Надлежит Бога всею крепостию благодарить; однако ж, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией греческою. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который Бог нам пред очи кладет, как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ». Сенат после того приносил монарху всеподданнейшую благодарность, а во время пения «Тебе, Бога, хвалим» и чтения Евангелия началась опять, как в первый раз, пальба вместе с музыкою и барабанным боем всех полков, стоявших перед Сенатом. По прочтении митрополитом Рязанским благодарственной молитвы, которой все присутствовавшие внимали коленопреклоненные, пальба возобновлялась в третий и последний раз. Французский посланник Кампредон, свидетель всего этого, радовался, конечно, больше нас, голштинцев, потому что очень предан королю шведскому и с своей стороны также способствовал заключению мира. Когда богослужение совсем кончилось, его величество пошел в Сенат, где назначено было праздновать нынешний день. Его королевское высочество при первом залпе из пушек переправился на другую сторону реки и, дождавшись в сенях церкви окончания обедни, подошел к его величеству с поздравлением, когда он выходил уже оттуда, а потом последовал за ним в Сенат и поздравил императрицу и принцесс, поцеловав им руки. Там все было необыкновенно великолепно. Особенно императорская фамилия отличалась чрезвычайно богатыми нарядами. На императрице были красное обшитое серебром платье и драгоценнейший головной убор; принцессы имели белые платья, обложенные золотом и серебром, и также много драгоценных камней на голове. Старшая была еще бледна и слаба после своего нездоровья. Вдовствующая царица, по обыкновению, была в черном, но дочь ее, равно и все прочие дамы, имели великолепнейшие наряды и множество бриллиантов. Вообще здешние дамы очень любят драгоценные камни, которыми стараются перещеголять одна другую. Великого князя и его сестры не было на этом празднестве, потому что оба, говорят, не совсем здоровы. Когда его королевское высочество кончил свои поздравления, Нарышкин дал знак тайному советнику Бассевичу также подойти с поздравлением к его величеству и поцеловать ему руку, после чего знатнейшие из наших кавалеров, все иностранные министры и многие русские сановники последовали его примеру. Императрица отошла между тем немного к окну, чтобы дать случай герцогу приблизиться к старшей принцессе, с которой его высочество и разговаривал, но потом пошел в другую комнату, где ожидал возвращения императора, куда-то ушедшего. В это время князь Меншиков читал о производствах по армии, а великий адмирал по флоту. После них сенатский обер-секретарь прочел о награждениях и повышениях министрам, бывшим на мирном конгрессе, и многим другим заслуженным лицам. Наконец было объявлено также о

прощении некоторых виновных. Еще до возвращения императора Кампредон, который был прежде знаком в Швеции с нашим герцогом, подошел к его высочеству и притворился очень обрадованным, что опять видит его. Когда его величество император пришел, нашлось еще очень много лиц, не успевших прежде поздравить его; поэтому он не сейчас мог пройти к столу, хотя ему, казалось, очень хотелось кушать. В большой аудиенц-зале, где обыкновенно бывает прием министров, с одной стороны был устроен прекрасный буфет, а с трех других сторон стояли длинные узкие столы, как и во всех других комнатах. Обедало в одно время всего до 1000 человек, потому что все комнаты коллегий были заставлены столами, которых было, говорят, сорок восемь и за которыми не осталось ни одного лишнего места.

Портрет российской императрицы Анны Иоанновны.
Художник Л. Каравак. 1730 г.

«Императрица Анна толста, смугловата, и лицо у нее более мужское, нежели женское.

В обхождении она приятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедра до расточительности, любит пышность чрезмерно, отчего ее двор великолепием превосходит все прочие европейские. <...> Говорят, что у нее нежное сердце, и я этому верю, хотя она и скрывает тщательно свои поступки...»

(Герцог де Лириа)

Освободясь наконец от поздравлений, его величество отправился в эту столовую или аудиенц-залу к столу, где по правую его руку сел его высочество, а по левую князь Меншиков. Подле князя поместился адмирал Крюйс, а подле его высочества граф Кинский. Прочие русские вельможи, иностранные министры и наши старшие кавалеры сели как кому пришлось. Немного спустя, когда уже все сели, вошел генерал князь Голицын, полковник Семеновского полка и кавалер ордена св. Андрея*. Император сам представил его герцогу, сказав, что это тот самый генерал Голицын, который командовал в Финляндии. Князь, поцеловав руку его высочеству, который поцеловал его в губы, и отдав поклон императрице и всем гостям, сел также за императорский стол. После того, по приказанию его величества, ввели бывшего

пленного шведского вице-адмирала Эреншильда, который должен был сесть возле адмирала Крюйса. Это был тот самый Эреншильд, который командовал четырьмя отнятыми у шведов фрегатами и отличился тогда особенной храбростью. Император очень уважает его. В ближайшей к большой зале комнате кушали императрица за большим овальным столом, имея подле себя с правой стороны вдовствующую царицу, а с левой старшую принцессу. Возле старой царицы сидела ее дочь, а возле старшей принцессы принцесса Елизавета, за которою следовала княгиня Меншикова. Прочие знатные дамы сидели по чинам. Императрице прислуживали два камер-юнкера, а третий стоял перед столом и разрезывал кушанья. Старой царице прислуживал брат ее, граф Салтыков, который не служит, но состоит в числе ее кавалеров и имеет польский орден. Позади императорских принцесс стояли только их гувернантки. Первый тост, провозглашенный при звуках труб и литавр, был в честь заключенного мира. Других тостов было немного, но зато после, вечером, пили-таки порядочно. Во время обеда его величество несколько раз принимался шептать что-то на ухо его высочеству и обращался к тайному советнику Бассевичу, вообще был очень милостив к нашему герцогу, который часто целовал ему руки, за что он сам нежно целовал его и прижимал к груди. Я сначала не запасся местом, потому что ходил и осматривал столы, но наконец увидел в одной из комнат два порожних места, которые и занял с капитаном Шульцем. В этой комнате был еще стол, где сидели дамы, которым не достало места за столом императрицы, также Нарышкин, Бонде и Лорх. За нашим столом сидели, между прочим, Ягужинский, Румянцев, обер-полицеймейстер и многие офицеры. В этой же комнате находились литаврщик и 6 трубачей, которые при тостах давали сигнал музыкантам, стоявшим на улицах.

Император, вставши один из-за стола, пробежал через нашу комнату (иначе нельзя назвать его походки, потому что сопровождающие его постоянно должны следовать за ним бегом) и отправился на свою яхту, стоявшую у моста перед Сенатом, чтобы, по обыкновению, отдохнуть после обеда. Уходя, он приказал, чтобы все оставались на своих местах впредь до его разрешения. Поэтому гости должны были сидеть очень долго, что для большей части из них было крайне невесело. Немногие кардиналы, остававшиеся еще налицо, почти все заснули за столом, потому что без принуждения запаслись уже хорошим глотком на сон грядущий. Князь-папа, по причине приключившейся ему болезни, не участвовал в настоящем празднестве. Граф Кинский и тайный советник Бассевич сожалели, что для препровождения времени не имеют с собою карт, потому что устали уже разговаривать и не знали, что делать; особенно первому такое продолжительное сидение было вовсе не в привычку. Его королевское высочество крепился довольно долго, но под конец и он заметно стал обнаруживать нетерпение; заметив однако ж, что многие встали, он решился наконец также встать и пошел в комнату императрицы, где столы были уже прибраны и где ее величество, вдовствующая царица с дочерью, принцессы и княгиня Меншикова сидели, а прочие дамы стояли около них, скучая не менее мужчин. Когда вошел его королевское высочество, принцессы встали, но императрица осталась на своем месте. Он подошел и разговаривал с нею несколько времени, после чего его просили сесть. Герцог сел возле старшей принцессы и смело вступил с нею в длительный разговор, на что прежде никогда не решался, потому что как его высочество, так и принцессы все еще были довольно застенчивы друг с другом. Между тем маленький Кампредон долго стоял перед небольшим окошком, сделанным в двери между большою залою и комнатою императрицы, и соколиными глазами следил за происходившим между его высочеством и принцессами. Он, как известно и как я уже упоминал, вполне предан королю*, хотя и притворялся очень расположенным к его королевскому высочеству. Я в это время пошел на минуту в находящийся близ Сената кофейный дом, известный под именем «Четырех Фрегатов», чтобы подышать свежим воздухом, потому что наверху от множества гостей было ужасно тесно и нестерпимо жарко; но когда немного спустя вернулся назад, туда сперва не было возможности пройти от столов и скамеек, кото-

рые стаскивали вниз, а потом меня не хотели впустить часовые, говоря, что им приказано никого не пускать. То же самое они сказали и генералу Миниху, и нам не скоро удалось бы пробраться вперед, если бы Ягужинский не сжалился над нами и не помог войти. Вскоре после моего возвращения ее величество императрица с императорскою фамилией и со всеми дамами прошла из своей комнаты в большую залу, где кушал император; а когда она села там под балдахин (где становится обыкновенно его величество при торжественных аудиенциях) вместе с прочими членами императорского семейства, дамы и кавалеры образовали большой круг, и начались танцы. Ее величество императрица с его высочеством, князь Меншиков со старшею принцессою и Ягужинский с младшею открыли их польским. После того герцог танцевал со старшею принцессою менуэт; а когда она опять пошла в польском с князем Меншиковым, его высочество пригласил для того же танца принцессу Елизавету. Вместе с ними хотел танцевать молодой граф Сапега с княгинею Валашскою, но она не согласилась, говоря, что из уважения к императорской фамилии не смеет в одно время с нею принять участие в первых церемониальных танцах. Поэтому на сей раз было только две пары; но после танцевали все без разбору, что и продолжалось до 9 часов, когда должен был начаться большой фейерверк. Принцесса Прасковья вовсе не танцевала, да и вообще она танцует только в крайних случаях и не иначе, как по приказанию императора. При начале танцев она ушла наверх к своей матери, которая сидела в одной из комнат у окна и смотрела на приготовления к фейерверку. Император ходил взад и вперед и по временам являлся в залу, чтобы посмотреть на танцы; но большею частью оставался внизу, потому что распорядитель фейерверка, как говорили, выпил лишнее и государь должен был сам обо всем заботиться. В самом деле, он трудился изо всех сил. Когда все было готово и уже смерклось, танцы прекратились и их величества с его высочеством, с императорскою фамилией и со всеми присутствовавшими отправились к окнам, которые нарочно почти все были выставлены.

Фейерверк начался в 9 часов. Сперва представилось взорам большое здание, изображавшее храм Януса. Оно было открыто и внутри его виднелся, в прекрасном голубом огне, старый Янус, державший в правой руке лавровый венок, а в левой масличную ветвь. Немного спустя показались с обеих сторон две статуи в виде двух вооруженных панцирями и коронованных рыцарей, также из голубого огня; на щите один из них, именно бывший с правой стороны, имел двуглавого орла, а другой три короны. Когда они приблизились к открытым дверям храма и прикоснулись к ним, двери начали постепенно затворяться, после чего рыцари сошлись и, казалось, подали друг другу руки. Пока горело это изображение храма и самого Януса, стоявшего на высоком пьедестале и окруженного разными арматурами, народу был отдан жареный бык, лежавший в небольшом расстоянии от храма на возвышении о шести ступенях с свободным со всех сторон проходом. Его величество сам отрезал от этого быка первый кусок и немного покушал, после чего солдаты вмиг разорвали его на сотни частей. Доставший золотые рога получил положенную награду. В то же время открыты были устроенные с обеих сторон фонтаны с красным и белым вином, которое, посредством вставленных посредине трубок, било довольно высоко, падая потом в один бассейн, а из него в другой, откуда всякий уже мог черпать сколько хотел. Хотя тут приставлена была стража, довольно хорошо наблюдавшая за порядком, однако ж не обошлось без окровавленных лиц, потому что каждому хотелось быть первым. Лишь только, в знак заключенного мира, двери храма совсем затворились (что сделалось уже после отдачи народу быка и фонтанов с вином), раздались сперва звуки множества труб, литавр и барабанов всей финляндской армии и других полков; потом пущена была ракета, и разом смешались сотни пушечных выстрелов, ружейный огонь и звон всех колоколов. Огонь с валов крепости и Адмиралтейства и с стоявших по Неве галер был так велик, что все казалось объатым пламенем, и можно было подумать, что земля и небо готовы разрушиться. После того направо от храма горел большой и высоко поставленный щит, на котором было изображено право-

судие, попирающее ногами двух фурий; фурии представляли недоброжелателей и ненавистников России, и надо всю эмблемою стояла русская надпись: всегда победит. Затем зажгли, с левой стороны, другой щит, на котором изображался плывущий по морю и входящий в пристань корабль с надписью: *finis coronavit opus* (конец венчает дело). Кроме того, с обеих сторон красовались две пирамиды из такого прекрасного белого огня, что казались сделанными из бриллиантов. На каждой из них сверху было по звезде из такого же огня. Потом зажгли еще две пирамиды с швермерами и звездками и в то же время пустили множество воздушных шаров, огромных и сильных ракет, бураков, открыли огненные фонтаны, колеса и пр., которых огонь не прерывался в продолжение почти двух часов. Наконец пущено было по воде несколько фигур из прекрасного голубого и белого огня вместе с множеством водяных шаров, дукеров, водяных швермеров и других на воде горящих огней. Когда все это кончилось и было уже около 12 часов ночи, его величество император (находившийся почти все время при фейерверке, который, говорят, сам начал и устраивал) возвратился опять в залу Сената, где снова начались поздравления при тостах из больших бокалов превосходного венгерского и других вин, что и продолжалось до трех часов утра, когда все стали разъезжаться по домам. Многие, которые не сумели уберечься, были сильно навеселе. Императрица и прочие дамы уехали вскоре после фейерверка; но его королевское высочество и все остальные гости оставались до отъезда его величества императора, очень милостиво простившегося с герцогом, который был чрезвычайно доволен нынешним днем и в особенности приветливостью их величеств и принцесс.

23-го был всеобщий роздых. У его высочества обедали полковник Дюринг, наш Нарышкин, подполковник Сикье и шведский вице-адмирал Эреншильд (который в этот день в первый раз был с визитом у его высочества), а вечером герцог с некоторыми из нас ужинал у посланника Штамке.

24-го маскарад снова начался, и хотя участвовавшие в нем не собирались вместе, однако ж веселились кто как мог между собою, потому что до 30-го числа все опять постоянно должны были ходить не иначе, как в масках.

25-го, утром, у его королевского высочества был поставлен караул от Ингерманландского полка, потому что оба гвардейских полка, от которых прежде ставились караулы, отправились вперед в Москву, куда императорская фамилия думает ехать по первому зимнему пути. Мы, однако, до сих пор не знаем, поедет ли мы также туда, или нет. Я думаю, что герцог поедет; но отправится ли и весь наш двор, это весьма сомнительно. После обеда его королевское высочество был со своею группою у ее величества императрицы, где очень приятно провел время в обществе принцесс; потом катался еще немного по реке и смотрел на иллюминацию. Прекрасная транспортная яхта «Принцесса Анна» и адмиралтейская галера были от низу до самых вершин мачт освещены бесчисленным множеством фонариков. Все дома в городе все это время были также каждый вечер иллюминированы, и многие жители ставили у себя всякого рода девизы.

26-го его королевское высочество весь день не выходил из своей комнаты; но маски во множестве делали визиты друг другу и веселились между собою сколько могли.

27-го маски хотя и собирались на другой стороне реки, но пробыли вместе недолго и разъехались, кто куда хотел.

28-го у князя Валашского был обед для его королевского высочества и его группы. Его высочество оставался там и после обеда, но вечером поехал к тайному советнику Бассевичу, где со многими из нас кушал и долго пробыл.

29-го. В этот последний день маскарада все наряженные, по данному из крепости сигналу, собрались после обеда на другой стороне реки, в Сенате, где было угощение, которым окончились маскарад и все празднества по случаю заключения мира. Когда императорская фамилия и маски съехались, начался, как и неделю тому назад, обед, за которым много пили.

Потом столы и скамьи были вынесены из большой залы, и открылись танцы, продолжавшиеся до поздней ночи. Между тем не переставали сильно пить, причем тем, которые не танцевали и находились в боковых комнатах, доставалось больше всех; но и мы, когда танцы кончились, получили свою порцию, так что очень немногим удалось к утру добраться до дому не в совершенном опьянении. Я всячески старался избегать попойки, ссылаясь на свое дежурство, и потому воротился домой еще сносным.

30-го, после обеда, к его королевскому высочеству приезжали два капитана гвардии (которые были шаферами) с приглашением на свадьбу молодого князя Репнина*, назначенную послезавтра. Герцог, по здешнему обычаю, выпил перед ними бокал вина за здоровье невесты и жениха, после чего они пили за здоровье его высочества. Вечером его высочество ездил к посланнику Штамке, у которого ужинал.

31-го тайный советник Геспен давал обед, на котором были его высочество, генерал Аллар, барон Мардефельд, тайный советник Бассевич и многие из нас. Мы оставались у него до вечера и сильно пили.

Ноябрь

24-го, в 6 часов утра, музыка наша была уже совершенно готова, потому что его высочество, по назначению генерала Ягужинского, намеревался идти с нею к императрице около половины седьмого. Но только что мы собрались в путь, явился к тайному советнику Бассевичу посланный от Ягужинского с известием, что императора и императрицы еще нет и что надобно немного подождать. Нам это было весьма неприятно: мы боялись, что скоро начнет рассветать, а его высочеству непременно хотелось устроить музыку до рассвета и с факелами. Однако ж немного спустя явился другой посланный с радостною вестью, что идти наконец можно. Тогда мы отправились к императорскому зимнему дому в следующем порядке: впереди всех шел фурьер, за которым двенадцать солдат несли столы, стулья и подсвечники для музыкантов; потом шел я, чтоб на дворе поскорее расставить по местам факельщиков; за мною следовали 20 человек с факелами, по два в ряд, и между ними его высочество с своею свитою, а уж за ними, после всех, музыканты. Когда мы вошли на двор, фурьер поспешно поставил столы против окон императрицы, а я в то же время разместил факельщиков. Пятнадцать из них, в парадной герцогской ливрее и с большими восковыми факелами в руках, были поставлены в ряд перед музыкантами, лицом к окнам императрицы, а остальные пять, не имевшие ливрей, – за музыкантами. Затем ноты были разложены по столам, музыканты (настроив инструменты еще за воротами) заняли свои места, и музыка началась. Она продолжалась почти час и была тем приятнее, что погода стояла тихая и ясная. Оркестр наш состоял из 17 или 18 человек, все отборных людей, из которых 5 были из свиты его высочества и 10 из дома графа Кинского. Во время музыки обе принцессы в утренних костюмах стояли у окон и слушали с величайшим вниманием (музыканты сидели несколько ближе к их окнам). Старшая принцесса при этом случае ясно показала, что она большая любительница музыки, потому что почти постоянно держала такт рукою и головою. Его высочество часто обращал взоры к ее окну, и вероятно не без тайных вздохов; он питает к ней большое уважение и неописанную любовь, которые обнаруживает при всех случаях как в ее присутствии, так и в разговорах с нами. Не успели мы оглянуться, как из дому вышел император. Он подошел к его высочеству и крепко обнял его; потом приблизился к музыке и обратился к столам одним ухом; но послушав несколько времени, быстрыми шагами удалился. Между тем вышел и генерал Ягужинский и что-то тихо говорил его высочеству; но легко было понять, что он пришел благодарить герцога от имени государыни. По окончании музыки его высочество отправился вперед с своею свитою к тайному советнику Бассевичу, а музыканты и факельщики последовали за нами. Тайный советник, с согласия его высочества, приказал ассессору Сурланду (который исправлял должность капельмейстера) раздать

всем музыкантам на водку от 80 до 90 рублей. Напившись у тайного советника чаю, герцог в санях уехал домой, а тайный советник от имени его высочества велел всем кавалерам собраться около половины десятого часа ко двору в парадных платьях, что мы и исполнили. В одиннадцатом часу его высочество, в величайшем параде и в сопровождении всей своей свиты, поехал в зимний дом императрицы для поздравления ее величества с днем тезоименитства. Подполковник Сальдерн и майор Эдер должны были, по венской моде, ехать по сторонам кареты его высочества верхом, в чулках и башмаках, что им вовсе не нравилось, как потому, что было довольно холодно, так и потому, что это весьма невыгодно для парадного платья. По прибытии в дом императрицы мы были встречены там генералом Ягужинским и проведены им в приемную ее величества, где нашли большое общество и несколько времени ждали, пока государыня вышла и приняла поздравление его высочества. Она спешила в церковь и потому недолго держала герцога, который, по обыкновению, поцеловал ей руку, в чем все наши кавалеры и некоторые другие из присутствовавших последовали его примеру. После обеда, часов в пять, его королевское высочество отправился в Почтовый дом, где назначено было празднество. Как скоро приехала туда и царская фамилия, тотчас сели за стол и пили довольно много, в чем его высочество принимал деятельное участие. За здоровье императрицы пили очень большим и полным бокалом, и его высочество объявил себя самого маршалом этого тоста. Когда его величество император провозгласил его, герцог взял бокал и собственными руками налил его до полна, и если б государь (которому не хотелось, чтоб он пил так много) не остановил его, то его высочество из уважения к императрице, конечно, выпил бы все дочиства. После того император взял этот бокал, пошел с ним к императрице и сказал ей, что его высочество выпил его за ее здоровье, а потом прислал его назад с приказанием, чтоб и каждый из гостей выпил по стольку же. Тогда его высочество обошел всех, приказывая у себя в руках наполнять бокал и требуя, чтобы каждый осушал его до капли.

Портрет царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны. Художник Л. Каравак. 1810-е гг.

По окончании этого тоста означенным порядком за мужским столом и донесении о том императору, находившемуся у императрицы, его величество приказал подать бокал туда, и все дамы должны были, в известной степени, также пить из него, от чего они большею частью окончательно повеселели. Столы в этот раз были так хорошо сервированы, как при

нас еще не было; даже мужской стол был уставлен сладостями, чего я не видал здесь еще ни на одном празднестве; вина также были все очень хороши. После стола танцевали, а вечером был прекрасный фейерверк на большом лугу против Почтового дома. Таким образом празднество в присутствии высоких гостей продлилось до половины второго часа ночи и было тем приятнее, что они все в этот день были необыкновенно веселы.

30-го, в день св. Андрея, в 10 часов утра, его величество император отправился со всеми наличными кавалерами ордена св. Андрея в церковь для слушания Божественной литургии. Его величество сам учредил этот орден, который в большом уважении и дается только лицам не ниже генеральского чина. В 11 часов, когда пушечная пальба в крепости и Адмиралтействе дала нам знать, что богослужение кончилось (пальба из пушек при всех здешних празднествах возвещает об окончании обедни), его королевское высочество тотчас же поехал к князю, зная, что обед у него начнется немедленно по приезде кавалеров из церкви. Мы застали все общество уже за столом (гости не мешкали, да и не имели притом надобности ехать так далеко, как мы); поэтому князь тогда только увидел герцога, когда мы вошли уже в комнату; но он тотчас вскочил с своего места, побежал его высочеству навстречу и приветствовал его, потом посадил против императора, который, с своей стороны, когда герцог подошел к столу, также встал и поклонился ему весьма милостиво. Орденских кавалеров было налицо только десять, и хотя число гостей было вообще велико, однако ж почти половина большого стола оставалась незанятою. Стол этот, по здешнему обычаю, был убран великолепно. Тосты, провозглашенные при мне, были следующие: во-первых, св. Андрею, патрону ордена, и во-вторых – за здоровье семейства Ивана Михайловича (Голови на), т. е. флота; этот тост никогда не забывается, и император, говорят, обещал Ла-Косте 100 000 рублей, если кто-нибудь за обедом его пропустит; но зато и денщики, находящиеся при государе, должны ему постоянно напоминать о нем. При первом тосте пили из огромного стакана; но князь Меншиков весьма ловко помогал нашему герцогу, для которого порция была слишком велика: налили ему почти столько же, сколько и другим, но лишь только его высочество выпил половину, князь (стоявший позади герцога) взял стакан и отдал его далее. Император легко мог все это заметить, если б хотел. Второй тост сошел для его высочества еще лучше: его предлагали ему два раза – сперва князь Валашский, потом генерал Аллар, но стакан, по милости князя (который наливал его сам), оба раза переходил к другим под предлогом, что его высочеству подадут другого вина, о чем, разумеется, потом и забыли. Должно быть, до нашего приезда был еще какой-нибудь тост, потому что император сказал герцогу, что его высочеству необходимо несколько щадить себя, что кроме трех стаканов, уже выпитых, ему предстоит сегодня выпить еще 27, а именно у каждого кавалера по три, и что тогда только он будет свободен. За обедом император вынул бумагу, в которую было завернуто около тридцати старых копеек, величиною ровно втрое против нынешних; по его словам, они были принесены последним наводнением к его увеселительному дворцу Монплезиру и там найдены, когда вода спала. Его величество показывал их всему обществу как большую редкость, и когда его высочество, внимательно рассмотрев находившуюся у него в руках копейку, хотел, по примеру других, возвратить ее по принадлежности, государь сказал: «*Veibaut jü dat man, ick sau jü noch en Paar dartu geben*» (оставь ее себе, я прибавлю к ней еще пару); после чего он с большим тщанием отобрал еще две копейки из самых крупных и подал его высочеству, который принял их с благодарностью. Вскоре потом император встал, простился и уехал. Примеру его последовали и прочие кавалеры. По здешнему обычаю, в этот день ездят ко всем кавалерам ордена и у каждого обедают или ужинают и пьют известные общие тосты, что продолжается до поздней ночи. Говорят, барон Шафиров между прочим спрашивал сегодня у императора, не будет ли орден св. Андрея пожалован его королевскому высочеству. На что его величество будто бы отвечал, что об этом следо-

вало напомнить прежде; что надобно осведомиться у наших министров, приятен ли будет орден, и тогда пожаловать его в празднование мира. Поговорив несколько времени с князем, его высочество также простился и уехал. Князь, провожая герцога до крыльца своего дома, увидел наши большие сани, на которых поместилось одиннадцать человек (4-ро внутри, 2 пажа спереди, 4 лакея сзади и кучер), и немало дивился, что его высочество решается так смело ехать по льду, еще весьма не крепкому; но его высочество не обратил на это никакого внимания, равно как и на все наши просьбы взять с собою в сани поменьше людей. Когда лед под нами трещал, он уверял, что это признак сильного мороза, и никак не хотел допустить, что причиною тому тяжесть саней. Так как обед у князя начался очень рано и продолжался недолго, то мы застали наших кавалеров еще за столом, что Геклау и мне было чрезвычайно приятно, потому что мы двое еще ничего не ели.

После обеда его высочество посетил молодой граф Сапега; но его, под благовидным предлогом и с помощью маленькой лжи, скоро выпроводили от нас: его высочество не хотел в этот день иметь у себя посторонних, потому что намеревался отпраздновать хорошенько именины посланника Штамке, для чего и приказал, чтобы на кухне готовили к вечеру ужин на 10 человек. Вечером герцог велел пригласить в комнаты графа Бонде, где назначался праздник, следующих особ: конференции советника Альфельда, генерал-майора Штенфлихта, полковника Лорха, подполковника Сальдерна, майора Эдера и нас троих, дежурных, т. е. Бонде, Геклау и меня. Когда посланник Штамке вошел в комнату графа Бонде (куда его высочество сам лично пригласил его), валторнисты, которые рано утром от имени герцога давали ему серенаду, приветствовали его веселою музыкою, чтобы показать нашу радость по случаю прибытия именинника. После того его высочество вручил ему поздравительные стихи и весьма удачное сравнение (своего собственного сочинения) между ним, посланником, и одним господином, которого терпеть не может, где последнему страшно достается, посланнику же, напротив, делается много похвал. Это сочинение в особенности возбудило в посланнике неописуемый восторг. Заметив, что герцог и все общество в отличном расположении духа, он воспользовался благоприятным случаем и предложил, с позволения и одобрения его высочества, подписку в пользу одного бедного голштинского чиновника по имени Гросс, который был прежде капитаном и приезжал сюда просить о чем-то его высочество, но на обратном пути между Петербургом и Ревелем пострадал от кораблекрушения и только с штурманом и двумя-тремя матросами остался в живых. В бедствии своем он написал трогательное письмо к посланнику, прося или дать ему займы сколько нужно для его путешествия, или сделать для него сбор у придворных кавалеров его высочества. До своего отъезда из Петербурга он получил от герцога порядочную сумму на путевые издержки и потому не имел смелости еще раз прямо обратиться к его высочеству. Посланник собрал для него довольно много; сам его высочество дал еще 12 рублей. По окончании сбора его высочество кушал чай, а потом, около 10 часов, сел за ужин. Когда мы пробыли несколько времени за столом, его высочество встал, перевязал себе через плечо салфетку (в знак того, что сам хочет быть маршалом общества) и начал провозглашать тосты. Сначала он собственноручно передавал всем бокалы, потом взял в шаферы майора Эдера; но так как последний не мог один справиться за усилием веселого распиванья, то я также должен был встать и занять место шафера, повязав себе тотчас же, для отличия, салфетку на руку. Его высочество, когда много уже было выпито, приказал подать самый большой бокал, какой только могли найти во всем доме, наполнил его доверху и сам предложил посланнику Штамке тост за здоровье имени одинакого начала и окончания, подразумевая под этим здоровье старшей императорской принцессы Анны, потому что имя ее начинается и оканчивается одною и тою же буквою. Перед тем однако ж его высочество приказал несколько бутылок вина побольше перемешать с водою, и я должен был незаметно наливать его самому герцогу, полковнику Лорху и графу Бонде: его высочество в подобных случаях всегда щадит этих двух господ,

потому что граф Бонде начинает харкать кровью, когда выпьет лишнее, а полковнику Лорху вино противно, особенно же в больших стаканах, из которых пить против воли его не может принудить никто на свете. Но все остальные гости, даже мы, шаферы, должны были пить это здоровье чистым вином и полным бокалом. Г. Альфельд, который был не совсем здоров вследствие многих сильных, хоть и не всегда добровольных, попок и потому имел позволение во весь вечер пить Tisane (род легкой настойки), на сей раз также должен был вместе с нами пить за упомянутое здоровье крепкое бургонское вино. Его высочество сам обходил гостей, каждому подавал бокал и всякий раз пробовал наперед, не подмешано ли туда воды; а чтобы тост этот шел живее, он приказал у большого бокала отбить ножку, отчего его нельзя было выпустить из рук, не выпив дочиста. После того Альфельд предложил его высочеству тост – как мне удалось услышать, за здоровье г-на Р.; он хотел предложить его потихоньку и не заметил, что я все-таки слышал его слова. Его высочество покачал головою и отвечал ему громко, что это здоровье сюда не идет; но Альфельд возразил, что пили же за здоровье его и его семейства, на что его высочество сказал, что то совсем другое дело. Кончилось однако ж тем, что за здоровье это таки пили, назвав его здоровьем в мыслях, почему немногие только поняли, что под ним разумелось. После ужина мы принялись весело распевать обе наши русские песни *Stopotski postolisku* (Стопочки по столику) и *Robora godilla* (По бору ходила), при чем много прыгали и, стоя на столе, распили не один стакан. Так провели мы время до половины второго часа ночи и были очень веселы. Когда его королевское высочество удалился, отправился и я домой вместе с конференции советником, квартира которого недалеко от моей. Дорогой он начал уговаривать меня зайти с ним на минуту к посланнику Штамке, на что я и согласился. Проходя мимо дома тайного советника Толстого, мы увидели, что император со всеми андреевскими кавалерами у него и очень веселится; это еще более поощрило нас исполнить свое намерение. Когда мы пришли к посланнику, его даже не было еще дома, потому что он завозил домой генерал-майора Штенфлихта. По возвращении к себе он очень удивился, увидя нас. Если г. Альфельд начнет пить, то уж до окончательного опьянения перестать не может и заставить его отправиться домой нет возможности. Он послал одного из своих людей к генерал-майору Штенфлихту с приказанием разбудить его и привести, в халате, к посланнику, его ближайшему соседу (он видел, что сам посланник уже слишком много пил и не в состоянии еще раз состязаться с ним). Генерал-майор рассердился, что ему помешали спать; но зная, что во всю ночь не будет иметь покоя от Альфельда, если не пойдет к посланнику, он пришел и принес свой огромный стакан (подаренный ему бароном Мардефельдом), в который входит более полутора бутылок и который он называет *Causa* (причина). Уверенный, что им всего скорее можно спойть и сбить с шеи Альфельда, он велел наполнить его почти доверху и приветствовал конференции советника. Генерал-майор, который только в Риге, по убеждению императора, опять принялся за вино, не пробовав его 16 лет, может так ужасно пить, что всем и каждому делается страшно; он выпил свой стакан с величайшею поспешностью. Посланник между тем незаметно скрылся и лег спать; но генерал-майор добрался до его спальни и велел своим людям во все время, пока пили, трубить в рожки (которые те постоянно должны иметь при себе, когда господин их навеселе), что производило невыносимый шум в такой маленькой комнате, какова спальня посланника. Конференции советник Альфельд выпил большой стакан, однако ж с расстановкой, потому что вообще пьет очень медленно, когда бывает уже пьян. Я еще довольно хорошо отделался, наперед уговорившись с людьми, чтоб они наливали мне вино наполовину с водой. После полуночи, часа в три, я наконец потихоньку убрался; но Штенфлихт и Альфельд оставались у посланника для упражнения его в терпении до шести часов утра.

Декабрь

3-го. Так как его высочество провел ночь не совсем хорошо и потому долго проспал, а потом был чем-то занят, то проповедь началась не прежде исхода второго часа, и мы только в 4 часа сели обедать. В этот день посланник Штамке угощал иностранных министров и некоторых из наших придворных. Вечером его высочество ездил на ассамблею к князю Меншикову, но император и императрица уже уехали оттуда до его прибытия. Когда герцог приехал, гости только что собрались осматривать золотой туалет и серебряный сервиз, выписанные из Англии для принцессы Анны и недавно здесь полученные. Оба, говорят, необыкновенно хороши и великолепны.

<...>

11-го, около полудня, я получил наконец лошадей, приготовил все к отъезду и затем, приняв из придворной кассы его высочества 75 рублей на прогоны и из императорского приказа или канцелярии 27 рублей 36 копеек на фураж отсюда до Новгорода (потому что до этого города нельзя получать его без платы), отправился в час пополудни с своими людьми и лошадьми в путь и в тот же день проехал 25 верст. Еще не доезжая до первой станции, я встретил на дороге обеих императорских принцесс со всею их свитою, довольно многочисленною. Они вскоре после меня оставили С.-Петербург и ехали в сопровождении тайного советника Толстого. Моя свита состояла со мною из 8 человек, но кроме того с нами были большая карета его высочества, недавно привезенная из Берлина, и 5 небольших саней, из которых одни служили мне дорожным экипажем. С половины дороги я послал солдата вперед для заготовления квартиры, что он и исполнил как нельзя лучше; все нужные распоряжения насчет фуража были сделаны им с необыкновенной поспешностью, несмотря на то что мы поздно прибыли на место. Я велел одному из конюхов спать в конюшне при лошадях и иметь там всю ночь засвеченный фонарь; поставил также крестьянина караулить карету и прочие вещи, приказав ему в то же время смотреть, чтобы никто из ямщиков не уводил своих лошадей: они хотя и получают известную плату, однако ж до того измучены усиленною ездою, что охотно оставляют уже заработанные ими деньги и возвращаются домой.

1722

Январь

27-го. После обеда приехал г. Кампредон в глубочайшем трауре и передал его королевскому высочеству два письма, в которых извещалось о смерти матери регента Франции. По этому случаю траур при императорском дворе будет наложен уже завтра, а при нашем послезавтра. После 5 часов его королевское высочество с Измайловым и со всею своею свитою в величайшем параде отправился в Старо-Преображенское, где назначено было праздновать день рождения старшей императорской принцессы Анны. Мы нашли там императрицу, герцогиню Мекленбургскую, сестру ее – принцессу Прасковию и всех находящихся в Москва знатных дам, начиная с 10-летнего возраста, также множество мужчин. Все они уже заняты были танцами, продолжавшимися до 11 часов, когда приехал император, который перед тем пировал в нашей Слободе сперва у купца Конау, потом у молодого купца Мейера. Императрица в этот раз много говорила с его королевским высочеством, нашим герцогом, равно как и император, разговаривавший, впрочем, в продолжение короткого времени, проведенного им с нами, большей частью с приехавшим накануне из Франции послом Долгоруким. В то время как герцог в ожидании его величества прохаживался в передней, мы увидели там дочь несчастного Писарева, до того закутанную и убитую горестью, что ее почти нельзя было узнать. Она говорила с капитаном, который исправлял теперь должность обер-прокурора, и намеревалась, если будет удобный случай, пасть к ногам императрицы и просить за своего несчастного отца.

Портрет царицы в пожилом возрасте, одетой по новой европейской моде.

Художник И. Н. Никитин. 1720-е гг.

Царица Прасковья Федоровна (1664–1723) – русская царица, супруга царя Ивана V (с 1684 года), мать императрицы Анны Иоанновны

Между тем нам сообщили за верное, что у Шафирова уже вчера Брюс отобрал голубую ленту, а Мамонов шпагу; также что последний запечатал все шафировские и писаревские вещи и из первых уже несколько сундуков отвез в Преображенское. Прежде чем общество разошлось, полицеймейстер всем объявил, что послезавтра собранию назначено быть у его высочества, нашего герцога, и что гости обязаны явиться туда в черном платье. Обо всем этом мы ничего не знали до тех пор, пока г. Измайлов незадолго до означенной повестки не сказал его высочеству, что император приказал, чтоб ассамблея тотчас после него была у нас. Надобно было согласиться, несмотря на всю краткость срока.

29-го. Нам целое утро немало было хлопот, чтоб все привести при дворе в порядок. Мы в этот день облеклись в полутраур (т. е. надели черное исподнее платье), но при здешнем императорском дворе наложен был уже полный. В 2 часа пополудни к нам явился полицеймейстер, чтоб посмотреть, все ли готово и довольно ли у нас места для всех гостей. Он привел с собою 5 писарей, которые должны были записывать всякого, кто приедет, и расставил их в разных местах, где они каждого приезжавшего спрашивали, как его фамилия. В 3 часа начали уже съезжаться дамы и кавалеры. Всех дам собралось до 70-ти; но из них около 10 принуждены были уехать назад, потому что или по неведению, или за неимением траурного платья (вещи весьма здесь редкой) явились в пестрых нарядах. Бриллиантов, золота и серебра в этот день также никто не мог иметь на себе, кроме императрицы, почему некоторые дамы, не знавшие об этом, сняли уже у нас все свои украшения. Император приехал около 6 часов, а императрица в половине седьмого. Когда его высочество, думая, что приехала она, вышел навстречу государю, его величество начал смеяться и сказал: “Eu, dat is nit permittert” (э, это не позволяется) (действительно, это было против правила, потому что хозяин должен встречать и провожать только императрицу). Император тотчас по прибытии отправился в комнаты мужчин; однако ж потом ходил несколько раз и к дамам. В зале весь наш оркестр стоял наготове, но мы по причине траура не смели заставить его играть до тех пор, пока не последовало на то разрешения государя, который после нескольких кон-

цетов дозволил и танцы. Его королевское высочество открыл их польским с императрицею, причем вместе с ними танцевали также герцогиня и принцесса. Ее величество императрица оставалась на нашей ассамблее до 10 часов, но император, которой постоянно ходил взад и вперед то в комнате государыни, то в комнате мужчин, пробыл до половины двенадцатого. Как их величества, так и все прочие присутствовавшие были очень веселы, а его высочество и мы употребляли всевозможное старание, чтоб угодить нашим гостям, так что все шло как нельзя лучше. Дамам мы подавали чай, кофе, оржид, мед и сласти, а кавалеров угощали пивом и всякого рода винами, при чем они курили табак и играли в карты и шахматы. Так как император через полицейского майора (Policeurmajor) приказал дамам остаться еще с час после императрицы, то они очень охотно принялись снова за танцы, которые и продолжались таким образом до двенадцатого часа. Герцог [22] императрице, герцогине Мекленбургской и ее сестре, когда они приехали, поднес прекрасные букеты из натуральных цветов. Государь и государыня были чрезвычайно милостивы и добры с его высочеством; все прочие гости казались также очень веселыми и довольными, а потому он немало радовался, тем более еще, что все у нас шло необыкновенно порядочно и хорошо.

Февраль

3-го его высочество в 3 часа после обеда поехал со всем своим двором в Старо-Преображенское, где праздновалось тезоименитство старшей императорской принцессы Анны. Около 5 часов прибыла туда императрица с прочими членами императорской фамилии, а спустя полчаса приехал и император. Он прошел сперва на короткое время к государыне и к дамам, но потом отправился с герцогом в смежную комнату к столу, где его высочество сел возле него с правой стороны, а старый Бутурлин с левой. Тосты провозглашал обер-шенк Апраксин, брат генерал-адмирала, причем не было забыто и здоровье семейства Ивана Михайловича (под которым разумеется весь русский флот); его положено пить на всех празднествах, в особенности в присутствии шута (lustige Rath) Ла-Коста, который в противном случае имеет право требовать с императора 1000 рублей (В другом месте Берхгольц говорит, что Ла-Коста мог в таком случае требовать 100 000 руб. и который здесь говорил длинную речь на русском языке. После обеда начались танцы, продолжавшиеся до 10 часов, и в заключение был сожжен небольшой фейерверк. Когда на это празднество явился и князь Меншиков, недавно оправившийся от своей болезни, император не только расцеловался с ним, но и вообще принял его очень милостиво. Время покажет, было ли то притворство или нет, потому что некоторые говорят, что шафировское дело еще не забыто.

Май

23-го, в день Вознесения Господня, его высочество около 11 часов отправился к тайному советнику Рагузинскому, куда был приглашен на крестины. Вскоре после него приехали туда император и все здешние вельможи, а вслед за тем и императрица с обеими императорскими принцессами и с дамами. Его высочество встретил ее внизу у кареты, но наверх вел, по ее приказанию, обеих принцесс. Тотчас по приезде государыни начался обряд крещения, при чем старшая принцесса держала младенца; церемоний однако ж было немного. По окончании всего император отнес новорожденного к матери, и затем гости сели обедать; впрочем государь, еще до этого, водил его высочество к матери старого хозяина, которой 105 лет, но у которой, несмотря на то, все еще очень хорошая память и отличный аппетит. Она была одета как монахиня. Так как накрыто было очень мило и хорошо три стола и в трех комнатах, то императрица, принцессы и около 20 дам сели за находившийся в ближайшей к спальне родильницы, а император, его высочество и человек двадцать из знатнейших вельмож поместились в зале. Прочие господа заняли стол в третьей комнате. За дамским столом подле императрицы сидела с правой стороны старшая принцесса, а с левой млад-

шая; за старшею следовали супруга великого канцлера и все знатные замужние дамы, а за младшею – старая девица Толстая и все фрейлины. Возле императора с левой стороны сидел его высочество, а с правой Иван Михайлович (Головин). Гессен-Гомбургские принцы приехали, когда уж все давно сидели за столом, и потому двое из сидевших около его высочества встали и уступили им свои места. За обедом пили вовсе не много, так что большие стаканы и не являлись на сцену. После [73] стола, в час пополудни, император и все гости простились с хозяином, и его высочество опять имел удовольствие провожать обеих принцесс до кареты. Когда он прощался с императрицей, она просила его приехать после обеда в Екатерингоф, куда предполагали устроить поездку водою. Принцы выходили с нами в одно время, а потому его высочество пригласил их к себе на чай и предложил им место в своей барке для поездки в Екатерингоф, что те приняли с благодарностью и, так как погода с неделю стояла опять превосходная, тотчас же пошли с герцогом пешком к нам, приказав пустым каретам ехать позади. Часа через два его высочество сел в барку с обоими принцами и с графом Санти (здешним помощником герольдмейстера, назначенным, по приказанию императора, состоять при них) (Этот граф Санти находился прежде в службе князя Гессен-Гомбургского, отца упоминаемых здесь принцев. В 1727 году, замешанный в дело Дивьера, Толстого и др., он подвергся ссылке.), и вышел на берег у дома “Четырех Фрегатов”, куда мы приехали более чем рано, потому что императорская фамилия собралась там только в 5 часов, когда и началось катанье. Вид его был чрезвычайно живописен, потому что за адмиралом флотилии следовало по крайней мере 60 судов, между которыми было 24 или 25 барок с 6, 8 и 10 гребцами. Адмирал, по обыкновению, плыл впереди с поднятым своим флагом; за ним шла барка князя-кесаря, потом барка императрицы, на которой император стоял сзади, у кормы, затем барка его высочества, за которой тянулись уже все прочие. Так как адмирал причалил к дому князя-кесаря и вошел туда вместе с самим императором, то вскоре после того приказано было и всем прочим мужчинам войти к князю-кесарю, чтоб выпить по стакану его крепкой перцовки, которая почти сжигала горло и от которой целую четверть часа текли изо рта слюны. После этого флотилия продолжала свой путь до Екатерингофа, где мы оставались до самых сумерек. Его высочество, наш герцог, и высаживал там обеих принцесс из барки, и опять провожал их до нее. Когда все общество собралось перед домом на большом лугу, окруженном приятною рощицею, все дамы должны были пить ту же крепкую водку, которую мужчины пили у князя-кесаря и которую последний привез сюда с собою. Разносили ее император и княгиня-кесарша, и от обязанности пить никто не был изъят, ни даже императрица и принцессы. После его высочество прохаживался несколько времени с обоими принцессами, и в продолжение этой прогулки по их желанию валторнисты наши должны были играть на своих инструментах. Как скоро все возвратились опять к императрице, принцессы сели возле нее вместе с его высочеством; но Гессен-Гомбургские принцы продолжали стоять, как и все прочие. Покамест император прогуливался, несколько маленьких бандуристов императрицы должны были перед ней играть, петь и плясать. В обратный путь мы отправились не по реке, а через канал, проходящий мимо прядильни (Spinnhaus), на котором стояли на якоре в хорошем виде 134 большие раснащенные галеры. Потом его высочество отвез домой обоих принцев. Когда мы возвратились к себе, было уже более 11 часов.

25-го. После обеда герцог ходил гулять вдоль реки и в это время имел счастье видеть у окна обеих принцесс, с которыми раскланялся. Позднее его высочество походил еще довольно много по городу и потом возвратился домой. Он видел издали императора, ехавшего в открытой коляске в шесть лошадей, и так как ему показалось это очень необыкновенным, потому что его величество никогда не ездил иначе, как в кабриолете, то мы стали осведомляться о причине такого парада и узнали, что государь ездил навстречу двум господам, именно князю Долгорукому и графу Головкину, прибывшему из Берлина. Первый

находился вне России 15, а последний 16 лет. Долгорукий был послом при датском и французском дворах, а граф Головкин при прусском, куда теперь назначен брат его. Они сидели с императором в коляске и были встречены им за несколько верст от города. Оба имели ордена, именно князь Долгорукий – орден Слона, а граф Головкин – прусский Черного Орла. Его величество показал им в этот день почти весь город и всюду побывал с ними. Таким отличием он доказал, как уважает тех из своих подданных, которые с пользою употребили время, проведенное за границую.

<...>

26-го. Мы только что хотели садиться за стол, как к нам явился чиновник канцелярии с извещением от имени великого канцлера, что после обеда будет спущен на воду со штапеля отстроенный корабль, о чем возвестят три пушечных выстрела. Сигнал этот последовал уже в 2 часа, и мы вскоре после того отправились с герцогом на барке к Адмиралтейству. Гессен-Гомбургские принцы, за которыми его высочество хотел заехать, встретились с нами у самого нашего дома, а потому он тут же взял их с собою на свою барку. Когда мы приехали в Адмиралтейство, император был уже там, и нас повели к нему на корабль, где его высочество поздравил его с новым приобретением. С государем был и князь Меншиков, который после своего приезда при нас нигде еще не показывался. В три часа приехал князь-кесарь, после чего тотчас началось освящение корабля, который получил имя Михаила Архангела. Корабль [75] этот очень красивый, 54-пушечный, и выстроен одним английским мастером. На нем были выкинута 4 больших флага. В 4 часа, когда император сошел с него, он благополучно был спущен со штапеля на воду при звуках труб и литавр и пальбе из всех пушек крепости и Адмиралтейства, а как скоро выплыл на середину реки, бросил якорь и тотчас повернулся. После того все спешили поздравить на нем императора, который прежде других опять взошел на него и приветствовал гостей литаврами и трубами. Его высочество явился на корабль в числе первых и потому встретил там на лестнице как императрицу, так и обеих принцесс. Последние, впрочем, принесли свои поздравления императору, тотчас уехали назад. Вскоре последовала за ними и вдовствующая царица, которая по причине своих больных ног даже вовсе не выходила из барки; но герцогиня (Мекленбургская) взошла на корабль и осталась там после отъезда матери. Внизу, в большой каюте, кушали императрица и дамы, а вверху, на палубе, император и кавалеры под палаткой из парусины, раскинутой поверх корабля. За длинным столом на первом месте сидел князь-кесарь Ромодановский, окруженный справа и слева вельможами; государь же поместился совсем внизу с корабельными мастерами, как член их. Против его величества сидел наш герцог между обоими Гессен-Гомбургскими принцами. В продолжение обеда хотя и пили только из рюмок, однако ж гости под конец все до того опьянели, что большею частью и не помнили, как убралась с корабля. И немудрено: они сидели за столом с 4 часов пополудни до 2 часов утра и во все это время непрерывно пили, так что наконец даже сам император едва мог стоять на ногах. Он, впрочем, объявил наперед, что в этот день намерен хорошенько напиться. Его королевское высочество должен был отвечать на все тосты крепким венгерским вином, а потом не только сам для себя, но и из дружбы к старшему Гессенскому принцу выпил еще несколько стаканов; кроме того, часто получал штрафные стаканы от императора, которому непременно хотелось напоить его и довести, как он говорил, до состояния пьяного немца (Kerel d'Allemagne). Вследствие всего этого его высочество так сильно опьянел, как ему никогда в жизни еще не случалось. Мы принуждены были под конец носить его, потому что он не мог более держаться на ногах, причем у него, как и у других, несколько раз начиналась рвота. Государь наконец сам от себя позволил нам отвезти его домой, увидев, что было уже более двух часов ночи. Он поцеловал в этот день герцога более ста раз, трепал его по плечу и прижимал к сердцу, почему его высочество под конец не иначе называл его, как батюшка (Patuschka oder Vaeterchen), и это немало доставляло ему удовольствия. Вообще император

был на сей раз так весел, как мне еще едва ли когда удавалось видеть. Кроме [76] его высочества, нашего герцога, он больше всего говорил и возился с одним английским корабельным мастером, которого очень любит и которого всякий раз, когда тот начинал вдаваться в откровенность, хватал за голову и целовал. Так как у них, между прочим, зашла речь о кораблях, то государь сказал его высочеству, что это 20-й корабль из спущенных им здесь, в Адмиралтействе, со штапеля в течение двенадцати лет, и смеялся потом над одним русским корабельным мастером, по имени Меншиков, имеющим в настоящее время на штапеле небольшое судно, которое на 107 футов короче корабля, начатого самим императором. Его величество брался, когда они оба выйдут в море, пристягнуть Меншикова со всем его судном сзади к своему кораблю. На вновь спущенном корабле угощал обер-шенк Апраксин с одним поручиком гвардии, и из здешних знатных господ на пиршестве недоставало только князя Меншикова и адмирала Крюйса; из иностранных же министров не было никого, кроме голландского резидента и камергера Лефорта. На корабль явились также генерал Штакельберг и полковник Розе, которые сидели за одним столом с императором. Так как его величество при спуске каждого корабля дает Адмиралтейству 1000 рублей на угощение, то все вина, какие подавались, были превосходные. По возвращении нашем домой, да и на пути, в барке, с его высочеством еще несколько раз делалась рвота, так что он лишился чувств и мы в дом должны были внести его на руках, причем и самим нам было не совсем-то хорошо. Говорят, что и дамам (которых мы, впрочем, потом не видали) пришлось также сильно пить. Как скоро император воротился с корабля домой, а это было в 3 часа ночи, он тотчас же с небольшою свитою отправился на стоявшей уже в готовности яхте в Шлюссельбург, чтоб привести оттуда ботик, первый, на котором он плавал в молодости и который поэтому привезли из Москвы для хранения здесь на вечные времена. Императорские принцессы в этот день первыми переехали в летний дворец, куда вслед за ними скоро переедут и император с императрицею.

<...>

30-го, поутру, принцы Гессенские посетили герцога на его буере, а в половине десятого мы отплыли от монастыря со всею флотилиею, имевшей во главе императора с его маленьким ботом, который императрица в нескольких верстах от монастыря встретила со всеми петербургскими барками и верейками. Он плыл с последними до самого города и почти один вошел с ними в Петербург, потому что парусные суда по причине начинавшегося безветрия не могли идти так быстро, как они. Когда император приблизился с ботиком к городу, началась пушечная пальба как в крепости и Адмиралтействе, так и с стоявшего на реке фрегата, который был весь изукрашен флагами. Пальба эта повторилась в другой раз, когда его величество причалил к берегу, и в третий, когда он отправился в церковь. В 12 часов, при возвращении государя из церкви, взлетела ракета, и вслед за тем снова раздались пушечные выстрелы с крепости, Адмиралтейства и фрегата, равно и с 9 прибывших галер, а расставленные вокруг церкви полки принялись исполнять беглый огонь. После того император, императрица, обе императорские принцессы, герцогиня Мекленбургская, сестра ее – принцесса Прасковья, его королевское высочество, наш герцог, и все прочие знатные обою пола особы отправились в Сенат, где в 6 или 7 комнатах приготовлены и накрыты были большие длинные столы. Император кушал с его высочеством и другими знатными господами в обыкновенной аудиенц-зале, где стоит императорский трон и где принимаются иностранные министры, а императрица с дамами – в смежной комнате, где всегда бывают заседания Сената. Перед обедом императрица вошла в большую аудиенц-залу и, как хозяйка дома, по здешнему обычаю поднесла не только императору, но и его высочеству и всем прочим гостям по чарке водки. Затем начался обед, и герцогу нашему пришлось сидеть подле государя с левой стороны, а Ивану Михайловичу с правой. Князь Меншиков хотел было сесть возле его высочества, но его предупредили Гессенские принцы, поместясь налево от герцога, почему

он потом сел рядом с Иваном Михайловичем. Около 3 часов император встал из-за стола и пошел на свой буер отдохнуть; но часовым приказано было не выпускать никого, [79] что те и исполняли в точности.

Веранда, обвитая виноградом.
Художник С. Ф. Щедрин. 1828 г.

В присутствии его величества провозглашено было только четыре тоста, для которых подавались рюмки, и при этом всякий раз палили из пушек с стоявшего на реке нарядного фрегата. Первый из этих тостов был – во славу Божию (им всегда начинаются все пиршества), второй – в честь настоящего дня (т. е. тезоименитства (Не тезоименитства, а рождения.) императора), третий – в честь отца всего здешнего флота (т. е. приведенного в этот день ботика) и четвертый – за здоровье семейства Ивана Михайловича. О прочих тостах, провозглашенных по возвращении императора, мы не могли порядочно узнать, потому что его высочество с 3 часов и почти до 9 (времени, когда уехали императорские принцессы) постоянно был у дам. Императрица, правда, несколько раз ходила в мужскую комнату, но он оставался с принцессами, герцогиней Мекленбургскою и ее сестрою, с которыми очень приятно проводил время. В 9 часов, когда принцессы простились и собрались ехать домой, его высочество проводил их до экипажа; но они хотя и сели уже в карету, должны были опять выйти из нее и идти пешком до моста, где стояла их барка, потому что в это самое время возвратился император, который, простившись с ними, приказал им дойти туда пешком. Герцог, разумеется, воспользовался этим случаем и провел их до самой барки, несказанно радуясь, что может продлить удовольствие разговаривать с прекрасными принцессами. По возвращении своем он прошел опять в комнату императрицы, но оставался там недолго, потому что когда кончилось угощение императором полков и в Сенат явилось несколько гренадер с водкою, чтоб попотчевать ею и все общество, государь вошел в дамскую комнату, взял его высочество за руку и повел к столу, за которым они прежде кушали. Туда тотчас принесли этой водки, и каждый из гостей должен был выпить ее по две обыкновенные деревянные большие ложки (Loeffel). Его высочество, впрочем, отделался полутора ложками; но другим никому не было пощады, даже и дамам, которые точно так же все должны были брать назначенную для них порцию, от чего у многих очень закружилась голова. После того однако ж никто не мог уж входить к дамам, хотя и ни одна из них не была отпущена домой. На реке, прямо против Летнего сада, на обширных парамах приготовлен был большой фейерверк, и по первоначальному распоряжению положено было в Сенате только обедать, а после обеда танцевать в саду и затем смотреть оттуда на фейерверк; но так как погода не благо-

приятствовала этому и императору хотелось поставить его по сю сторону реки, то прошло до 2 часов ночи, пока все устроили как следовало, тем более, что требовалось много времени, чтоб от противоположной стороны отбуксировать лодками против сильного течения большие машины, на которых стояли фейерверочные принадлежности; да и приказ о том был отдан уж слишком поздно. Между тем самое лучшее время, время темноты, необходимое больше всего для блеска фейерверков, ушло, и за дело принялись только тогда, когда уже сделалось опять совершенно светло. Гостей, покамест все это улаживалось, продолжали усердно поить, так что они под конец от излишнего вина и от усталости сидели почти во всех углах и спали. Фейерверк, по обыкновению, состоял из множества ракет, швермеров, водяных и воздушных шаров, огненных колес и тому подобного; но, кроме того, горел еще большой девиз из голубого огня с изображением приведенного в этот день ботика и с русской надписью, смысл которой заключался в том, что от малых причин могут быть большие следствия. Этим намекалось на умножение здешнего флота. Однако ж так как погода во весь день стояла очень дурная и настоящего директора фейерверков, именно полковника Виттвера, не было в Петербурге, то фейерверк на сей раз был далеко не из тех великолепных, которые мы привыкли здесь видеть. По окончании его князь-кесарь Ромодановский на прощанье поднес еще всем и каждому по большому бокалу вина, и никто не мог уйти, не выпивши его, так что пока все общество разошлось, было уже более трех часов ночи.

В мае 1724 года благодаря хлопотам голштинского министра графа Г. Ф. Бассевича Петр дал согласие на брак Анны с Карлом Фридрихом. В конце ноября того же года был подписан брачный договор. Через месяц после помолвки Петр I скончался. Уже при новой императрице совершилось бракосочетание герцога с Анной Петровной – 21 мая (1 июня) 1725 года, в Троицкой церкви на Петербургской стороне.

Описание о браке между ея высочеством Анною Петровною Цесаревною Всероссийскою и его королевским высочеством Карлом Фридрихом герцогом Голштейнготторпским (А. А. Самборский)

Когда Ее Императорское Величество, по силе учиненного при жизни Его Императорского Величества Блаженного и Вечнодостоинного памяти Супружественного трактата между Ее Высочеством Анной Петровной Цесаревной, и Его Королевским Высочеством Герцогом Голштейнготторпским, намерение воспринять изволила, оный Брак в месяце мае при помощи Всевышнего совершить: то повелела Ее Величество в летнем своем доме, вновь сделать и предуготовить к тому торжеству, Салу длиною 20, шириною 7 сажень, у которой работы по случаю присутствовал Его Светлость Генерал Фельдмаршал и Кавалер Господин Князь Меншиков, и собрано было всяких работных мастеров и художников большое число, и в самое краткое время преизрядным художеством она создана, и убрана богатыми обоями, и другими уборами, и поставлены Балдахины: на одной стороне, где сидеть Невесте, Ее Высочеству Цесаревне Всероссийской, с Гербом и Короною Российской Империи: по другую напротив, с Гербом Его Королевского Высочества Герцога Голштейнготторпского. И когда со всем предуготовлением закончили: тогда Ее Императорское Величество назначить изволила к тому браку двоих Маршалов, помянутого Генерала Фельдмаршала и Кавалера Господина Князя Меншикова, да Генерала Лейтенанта и Кавалера и Генерала Прокурора Господина Ягушинского, и при них 24 персоны Шафаров, между которыми были Брегаты, и Штапные Офицеры, так же от Гвардии Капитаны, и морские обер-офицеры.

А в чины того брака по обыкновенному церемониальному учреждению от ее императорского величества определены.

Вместо отцов:

Генерал-Адмирал и Кавалер-Граф Апраксин,

Канцлер и Кавалер Граф Головкин.

Вместо братьев:

Генерал Фелтцейхмейстер и Кавалер Граф Брюс.

Генерал и Подполковник от Гвардии Господин Бутурлин.

Вместо матери:

Ее Высочество Царевна Российская и Герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна.

Светлейшая Княгиня Меншикова.

Вместо сестр:

Канцлерша Госпожа Графиня Головина.

Генералша Госпожа Бутурлина.

Ближние девицы:

Ее Высочество Цесаревна Всероссийская Елисавет Петровна.

Великая Княжна Наталия Алексеевна.

Форшнейдером, Полковник Князь Гессенгоумбургской.

Потом 18 числа мая месяца опубликовано о том браке чрез офицеров с трубачами и литаврами во всем Санкт-Петербурге, и назначен тому Браку день, 21 мая: то есть в Пятницу. И велено собираться маршалам и Шафарам по утру в 7 часу: а прочим как Сенаторам, так

Генералитету, и другим знатным чинам, как мужеского так и женского полу в 11 часов в вышеозначенную новосозданную Салу. А чужестранные министры все, пребывающие при дворе. Ее Императорское Величество, и с их женами к тому торжеству, нарочно званы были за день брака.

И того ж 18 мая в вечеру, Ее Императорское Величество, со всей своей Высочайшей Фамилией, из Зимнего двора, в Летний свой дом перейти изволила.

Когда 21 мая в определенное время, все в помянутую Салу собрались: то в полдень от Летнего двора Ее Императорского Величества отправлены были по Его Королевское Высочество для препровождения Его ко двору Ее Величества выше упомянутые Маршалы с прочими чиновными в семи каретах цугами, а перед ними ехали верхами Трубачи и Литаврщики в богатом уборе.

И приехав ко двору Его Высочества, и побывав в Палатах с полчаса, пошли ко двору Ее Императорского Величества ехали с такой же Церемонией: а за ними ехали, один Прапорщик, два Гоф-Фуриера, и несколько Гранодиров.

Потом шел Гоф штат Его Королевского Высочества, за ними ехали Его двора Обер Камер-Гер Граф Бонде, да Гоф Маршал Платер верхами.

За ними ехал в карете Сам Его Королевское Высочество.

По обеим сторонам Его кареты шли Его Кавалеры.

А за ним Министры Его Королевского Высочества, Басевич и Стамкен в особенных каретах.

Между каретами шли их лакеи, а подле карет – пажи.

И в 1 часу пополудни, прибыли ко двору Ее Императорского Величества: и Его Королевское Высочество, с обыкновенной церемонией встречен от определенных Особ, за Отцов и Братьев, и препровожден в новую Салу: и там, немного побыв, потом уж оный препровожден в апартаменты к Ее Императорскому Величеству, и оттуда от Ее Императорского Величества, как Ее Высочество Цесаревна, так и Его Королевское Высочество, отпущены к венчанию до Церкви Святой Троицы, в большой цветной Барже: в которой присутствовали их Высочества, Цесаревна Елисавета Петровна, Царевна и Герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна, Великая Княжна Наталиа Алексеевна, и при них первой Маршал, Отцы, Братья, Матери, и прочие ближние Кавалеры и Дамы, все в цветных богатых платьях. А перед той баржей ехали в большой же некрытой барже, второй Маршал с Шаферы: и в 5 часу пополудни прибыли к Церкви.

И когда их Высочества Невеста и Жених, и прочие чины брачные, вышли из Барж и пошли к Церкви, в то время продолжался звон Церковной.

На Ее Высочестве Государыне Невесте, была Цесарская Корона, украшенная бриллиантами, и прочими драгоценными, камнями, и одеяние было из порфира пурпурного бархата, подбитая горностаями.

Ее Императорское Величество отпустив их Высочество Невесту и Жениха к венчанию, изволила вскоре пойти ко той же Церкви в траурной своей Барже (имея Штандарт), в траурном уборе: а за Ее Величеством и прочие Баржи следовали: и от пристани Ее Величество изволила до Церкви ехать в карете траурной: и прибыла в Церковь во время приветствия, которое чинил для их Высочеств Цесаревны и Герцога пред венчанием Псковской Архиепископ Феофан: и по окончании приветствия оные их Высочества, по обыкновенному Церковному уставу, венчаны от помянутого уже Архиепископа Псковского: а при нем присутствовали Архиереи, Тверской, и Белогородской, и Архимандриты, и другие духовные первые персоны, в Церковном богатом одеянии.

По совершении же венчания, изволила Ее Императорское Величество на Ее Высочество Цесаревну Анну Петровну, наложить Кавалерию Ордена Святой Екатерины, с красным бантом, которую прежде всего Ее Императорское Величество Сама изволила носить. Потом

от Ее Величества и от первых персон, и от всего народа, венчанием их Высочества Цесаревна и Герцог поздравлены. И как Ее Императорское Величество, и их Высочества Цесаревна и Герцог в 4 часу пополудни вышли из Церкви, и сели в Баржи: тогда с крепостей Санкт-Петербургской, и Адмиралтеиской, и с яхты называемой «Принцессой Анной», стоящей на реке напротив новосделанной Салы, и убранной флагами, поздравляли пушечной стрельбой.

Ее Императорское Величество изволила на той же своей барже прибыть, и пройти в свои Апартаменты.

А Ее Высочество Цесаревна, и Его Королевское Высочество прибыли прямо в большую Салу, и сели кушать под устроенными для того нарочно, особыми богатыми двумя балдахинами, выше упомянутыми.

Под первым Балдахином к Востоку Ее Высочество Цесаревна, да с ней по сторонам их Высочайшей фамилии, их Высочества, Цесаревна Елисавет Петровна, Царевна и Герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна, Великая Княжна Наталия Алексеевна, да из первых Дам Светлейшая Княгиня Меншикова, Графиня Головкина, Генералша Бутурлина.

Под вторым балдахином против Ее Высочества к западу, сидел Его Королевское Высочество, да с ним из вышеозначенных особ, Генерал Адмирал Граф Апраксин, Канцлер Граф Головкин, Генерал и от гвардии Подполковник Бутурлин.

А между теми по обоим сторонам за столами, сидели и прочие Российские Кавалеры, и чужестранные Министры, и другие знатные Особы, и Дамы, которые званы были до 7 класса: которых было всех званных до 400 персон, все в богатоубранных цветных платьях: так же и все подлые разных чинов люди, пущены были для гулянья в огород Ее Величества. И по время стола стреляли много раз с помянутой Яхты из пушек, и трубили на трубах боем литавров, а музыки иной никакой не было.

В 7 часу Ее Императорское Величество, изволила идти на луг, что напротив огорода, где поставлена была в строю гвардия. В то же самое время отворили два фонтана, которые текли винами красным и белым. И как Ее Императорское Величество, изволила Гвардию всю в строго стоящую обойти, и прийти изволила стать по середине луга близ большого Глобуса: и тогда начали салдаты гвардии стрелять беглым огнем: и после той стрелбы все те солдаты к фонтанам, которыми пущено было вино, приводились по ротню и довольствованы были, как питьем, так и яствами, для чего приготовлено было несколько жареных быков (со птицы) и баранов.

А потом Ее Императорское Величество идучи с лугу в огород свой, изволила зайти в брачную Салу, и тогда приступили к Ее Величеству их Высочествам новобрачные Цесаревна и Герцог, тако ж и прочие все той высочайшей фамилии персоны, и два маршала, и чинили Ее Величеству поздравления: напротив чего и Ее Императорское Величество, изволила их Высочеств новобрачных также поздравлять.

А в 9 часу пополудни Ее Императорское Величество, соизволила их Высочеств Цесаревну и Герцога из оной Салы отпустить, в особый уготованный им дом, в которой их высочества поехали тогда вместе в карете Ее Императорского Величества, с такою ж церемонией, как и приезд был Его Высочества, ко двору Ее Императорского Величества пред венчанием.

За их Высочествами ехали, Генерал Адмирал господин Граф Апраксин, и Канцлер Господин Граф Головкин в карете.

Да Штат Ее Высочества Цесаревны по своим чинам.

А Ее Императорское Величество отпустив их Высочеств, изволила идти в свои апартаменты.

А потом все прочие, на оном торжестве бывшие, из огорода с удовольствием отпущены... [...]

На другой день, то есть в Субботу пополудни в 4 часу, паки собрание было в огороде Ее Императорского, Величества в вышеозначенной же Сале, для продолжения Высокопомянутого торжества, тех же всех Персон, которые в первый день того брачного торжества присутствовали, куда потом и их Высочества новобрачные Цесаревна и Герцог со своим двором прибыли, и встречены были от Маршалов, и от прочих брачного церемониала Особ. Сидели их Высочества новобрачные за столом оба вместе под одним Балдахином, под которым в первой день сидела Ее Высочество Цесаревна: и продолжалось оное веселье, как и в первый день с пушечной стрельбой. А Ее Императорское Величество быть не изволила: но по окончании оногo, Ее Императорское Величество соизволила выйти в огород, куда к Ее Величеству и новобрачные их Высочества, и прочие все из Салы прибыли, и гуляли при Ее Императорском Величестве в огороде довольное время. И потом Ее Величество изволила пойти в свои апартаменты, а их Высочества новобрачные Цесаревна и Герцог возвратились в дома свои.

Ораниенбаум. Внутреннее убранство Большого Меншиковского дворца. Интерьер выполнен в стиле петровского барокко

А в третий день, пополудни в 6 часу, собирались все Россииские знатные Особы мужского и женского пола, также и чужестранные Министры в дом Его Королевского Высочества Герцога Голштейнотторпскаго, куда потом изволила прибыть и Ее Императорское Величество со всей Высокой Фамилией, и там от страны Его Королевского Высочества, со всякой подобающей Магнифиценцией через довольное время отправилось тракование, где в одной палате богато убранной приутоготовлен был посредине стол, и за оным изволила сидеть в начале Ее Императорское Величество: по сторонам за тем же столом, сидели их Высочества новобрачные, Цесаревна и Герцог, и их Высочества Цесаревна Елисавет Петровна, Царевна и Герцогиня Меклембургская Екатерина Иоанновна, Великая Княжна Наталия Алексеевна, и Великий Князь Петр Алексеевич. В той же палате по сторонам поставлены были другие два стола, из которых за одним сидели знатнейшие Российские мужского полу особы, и с ними чужестранные Министры: за другим знатнейшие дамы: а для прочих многих Особ, были столы в других апартаментах. И сие тракование продолжалось через довольное время, однако ж без музыки: но только с Трубачами, и пушечной стрельбой с яхт, убранных флагами, стоящих на реке перед домом Его Королевского Высочества. При этом торжестве Граф Петр Апраксин, из Статских действительных Советников, пожалован от Ее Императорского Величества в тайные действительные советники. И так оное высокобрачное торжество чрез три дни помощью Божией благополучно окончилось.

Протоиерей Андрей Самборский.

Супруги долгое время жили в России, Карл Фридрих и Анна пытались участвовать в государственных делах, и возможно, это несколько их сблизило. Но их влияние на Екатерину не понравилось Александру Даниловичу Меншикову и он настоял на их отъезде. 25 июля 1727 года супруги отплыли в город Киль, а 10 (21) февраля 1728 года в Кильском замке Анна родила сына, которому при рождении дали имя Карла Петра Ульриха. Это был будущий император российский Петр III. Рождение наследника отмечалось пышными торжествами. Желая полюбоваться фейерверком, едва оправившаяся от родов Анна Петровна неосторожно открыла окно. Хотя ее фрейлины умоляли ее быть осторожнее, Анна только рассмеялась и сказала: «Мы, русские не так изнежены, как вы». Однако она все же заболела горячкой и скончалась 4 мая 1728 года. Ее забальзамированное тело, привезли на корабле в Петербург и похоронили в Петропавловском соборе, неподалеку от могилы отца.

Анну вспоминают гораздо реже, чем ее сестру Елизавету. И все же с ней связано несколько легенд, о которых рассказывает публицист С.С. Трубачев в своей статье, вошедшей в знаменитый Биографический словарь, изданный по инициативе А. А. Половцова. Историк

Биографический словарь А.А. Половцова

Анна Петровна, цесаревна, герцогиня Голштинская, вторая дочь Петра I и Екатерины Алексеевны, род. 27-го января 1708 г. в Москве, скончалась 4-го (15-го) мая 1728 г., в Киле. Первое упоминание о любимой дочери Петра Великого встречается в «Юрмале» 1711 г., под 3-м февраля, где говорится: «У его царского величества господа министры все обедали и довольно веселились, понеже в тот день была именинница маленькая царевна Анна Петровна». Сначала Екатерина Алексеевна держала дочерей своих очень просто и не совсем открыто, после же объявления о браке, царевны Анна и Елизавета получили отдельное помещение, отдельный стол и особую прислугу. Родители озаботились дать своим дочерям наилучшее по тогдашнему времени воспитание. Восьми лет царевна Анна Петровна уже сама писала письма матери. В 1716 году к царским детям в Петербург была вызвана «дохтурница» Гречанка Лавра Паликала; в том же году прибыла в столицу итальянка графиня Марианна Манияни, занявшая место воспитательницы при царевнах в ноябре месяце; еще раньше при них состояли: виконтесса Латур-Лануа, сопровождавшая Анну Петровну и в Голштинию, и «мастер немецкого языка» Глик. Таким образом, царевны изучали французский, немецкий и итальянский языки, на которых потом свободно говорили; с детства окруженные уроженками Ингрии, знавшими шведский язык, они исподволь научились говорить и по-шведски. В кабинете Петра Великого хранятся несколько поздравительных писем царевны Анны к отцу, писанных на немецком языке. Кроме языков, царевны обучались танцмейстером Стефаном Рамбургом различным танцам, которые, по свидетельству Берхгольца, исполняли превосходно. Когда царевне Анне минуло тринадцать лет (17-го марта 1721 г.), приехал в Ригу искатель руки ее, племянник шведского короля Карла XII, герцог Карл-Фридрих Голштейн-Готторпский. В свите его находился тайный советник граф Бассевич, бывший уже раньше в России, в качестве посланника от голштинского Двора, а вскоре был вытребован из Парижа камер-юнкер Берхголец, оставивший о пребывании герцога в России драгоценный дневник (1721–1726). Желая ближе ознакомиться с женихом, Государь и Государыня отправились в Ригу и провели там всю весну. Первое свидание Царя с будущим зятем происходило 20-го марта. Петр Великий нашел герцога пригодным для своих политических видов и пригласил его приехать в Ревель, а затем и в Петербург. Сватовство Карла-Фридриха устроилось после нескольких отказов. Сближение голштинского Двора с русским было задумано бароном Герцем, известным министром, сперва голштинским, а потом шведским. При помощи этого сближения должно было совершиться, по его плану, возвышение Голштинии, разоренной Даниею и лишившееся в 1714 г. герцогства Шлезвиг. После долгих переговоров, Петр Великий, наконец, согласился на покровительство Фридриху-Карлу. В 1718 году скончался бездетный Карл XII, шведский престол должен был достаться сыну старшей сестры короля, герцогу голштинскому, но он был отвергнут шведами и корону, с ограничением власти, шведские государственные чины предложили Ульрике-Элеоноре, младшей сестре Карла XII. Петр Великий полагал, что, имея в своих руках законного наследника шведского престола, он скорее добьется выгодного для России мира. Расчеты эти вполне оправдались; не сбылись только надежды герцога, хотя Петр I и дал повеление Брюсу и Остерману заключить мир со Швециею только под условием, чтобы шведы признали Карла-Фридриха наследником королевского престола и обещали восстановить его, при помощи России, во владении герцогством Шлезвиг. Шведы не хотели и слышать об этом и только по усиленному настоянию Петра Великого предоставили герцогу титул королевского высочества; впоследствии, в 1724 году, они, впрочем, обещали стараться, вместе с Россиєю, о возвращении ему Шлезвига (трактат между Россиєю и Швециєю 22-го февраля (4-го марта) 1724 года), но из этих обещаний ничего не вышло.

Торжественный въезд герцога голштинского в Петербург состоялся 27-го июня 1721 г. Раньше его прибыл Берхгольц, имевший случай за два дня перед тем, в день коронации Петра Великого, видеть все царское семейство на празднике в Летнем саду. «Взоры наши», пишет Берхгольц, «тотчас обратились на старшую принцессу, брюнетку и прекрасную как ангел. Цвет лица, руки и стан у нее чудно хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростом». Впоследствии, в 1724 году, перед обручением цесаревны Анны с герцогом, Берхгольц замечал в своем дневнике: «Вообще можно сказать, что нельзя написать лица более прелестного и найти сложение более совершенное, чем у этой принцессы. Ко всему этому присоединяются еще врожденная приветливость и обходительность, которыми она обладает в высшей степени». Отзыв другого голштинца, графа Бассевича, столь же восторжен. В своих «Записках» («Русский Архив» 1864 г., стр. 253–254) он говорит: «Анна Петровна походила лицом и характером на своего августейшего родителя, но природа и воспитание все смягчило в ней. Рост ее, более пяти футов, не казался слишком высоким при необыкновенно развитых формах и при пропорциональности во всех частях тела, доходившей до совершенства. Ничто не могло быть величественнее ее осанки и физиономии, ничто правильнее очертаний ее лица, и при этом взгляд и улыбка ее были грациозны и нежны. Она имела черные волосы и брови, цвет лица ослепительной белизны и румянец свежий и нежный, какого никогда не может достигнуть никакая искусственность; глаза ее неопределенного цвета и отличались необыкновенным блеском. Одним словом, самая строгая взыскательность ни в чем не могла бы открыть в ней какого либо недостатка. Ко всему этому присоединялись пронизательный ум, неподдельная простота и добродушие, щедрость, снисходительность, отличное образование и превосходное знание языков отечественного, французского, немецкого, итальянского и шведского. С детства отличалась она неустрашимостью, предвещавшею в ней героиню, и находчивостью». В противоположность своей невесте, герцог голштинский не отличался ни умом, ни красотой. Он был не высок ростом и не имел особенной привлекательности в чертах лица. Равнодушный к умственным интересам, ничего не читавший, беззаботный и склонный к мелочному формализму, Карл Фридрих любил проводить время в тост-коллегии. Жизнь в Петербурге и Москве, в первые три года пребывания герцога в России, полная томительной неизвестности, усилила склонность его к вину. Карл-Фридрих не чувствовал особенной любви к своей невесте и, не скрывая от нее, высказывал при ней симпатий Елизавете Петровне. Хотя цесаревна Анна «при всяком случае, – по словам Берхгольца, – была необыкновенно любезна с герцогом», но едва ли верно утверждение автора дневника, что невеста чувствовала к Карлу-Фридриху искреннюю и нежную привязанность. После трехлетнего пребывания герцога в России, Петр Великий, наконец, решил заключить с ним брачный контракт. 22-го ноября, после продолжительных совещаний Остермана с Карлом-Фридрихом и голштинскими тайными советниками Штамке и Бассевичны, обоюдные брачные условия были окончательно формулированы, и в день именин Императрицы, 24-го ноября, подписаны, при торжественном обручении герцога с цесаревной Анной. Контракт состоял из 21-ой статьи, которыми обеспечивалось будущее хозяйство цесаревны и ее детей, назначался для нее штат, определялось приданое (300000 руб. единовременно, кроме драгоценных вещей и уборов) и права потомства будущей герцогини и пр. В силу контракта, цесаревна Анна сохраняла веру своих предков и должна была воспитывать в ее правилах дочерей; сыновья должны были исповедовать лютеранство. Цесаревна и герцог отказывались за себя и за всех своих потомков «от всех прав, требований, дел и притязаний на корону Российской Империи». По обоюдному согласию Императора и герцога, к тогда же опубликованному контракту были присоединены три «секретных артикула», в которых Петр Великий предоставлял себе «власть и мочь», по своему усмотрению, «призвать к сукцессии короны и империи всероссийской одного из урожденных из сего супружества принцев», и в таком случае герцог обязывался немедленно

исполнить волю Императора, «без всяких кондиций». В случае кончины царствовавшего тогда короля шведского, Петр обещал помогать герцогу всеми способами к достижению престола шведского. На основании этих двух статей, сын Карла-Фридриха был призван Императрицею Елизаветою к наследованию всероссийским престолом и почти одновременно приглашен государственными чинами шведскими для занятия шведского престола, В третьем из «секретных артикулов» Петр предлагал герцогу свои «добрые оффиции» для возвращения законного владения его предков, герцогства Шлезвиг, которым уже много лет незаконно владел датский король. После обручения, Император, по словам Бассевича, часто беседовал с цесаревной и герцогом о делах правительственных и старался посвятить их в свои планы и намерения. Вскоре предполагалось совершить и бракосочетание, но произошло замедление, вследствие приготовления приданого (из Франции ожидали привоза бриллиантовых вещей для свадебного подарка). В это время Монарха постигла болезнь и для всех неожиданная кончина. После соборования, 26-го января, чувствуя кратковременное облегчение к, вероятно, думая о наследовании престола, Петр потребовал аспидную доску и написал на ней: «Отдайте все»... Далее рука не повиновалась. Умиравший Император велел позвать Анну Петровну и хотел диктовать ей; но когда она приблизилась к постели, Петр уже не мог говорить. Никто не сомневался, что последние, написанные Петром слова относились к старшей любимой дочери, во в силу брачного контракта ее не могли считать наследницей престола. Императрица Екатерина I ни в чем не изменила контракта и после Пасхи приказала приступить к сооружению, на берегу Невы, в Летнем саду, обширной залы для торжества бракосочетания. 19-го апреля, при Дворе в первый раз праздновался день рождения герцога голштинского. Вскоре после того Карл-Фридрих нанял за 3000 руб., для жилья с супругою, трехэтажный каменный дом у генерал-адмирала Апраксина. Дом этот находился на месте Салтыковского подъезда нынешнего Зимнего дворца. 21-го мая, в церкви св. Троицы (на Петербургской Стороне) совершено бракосочетание. Вскоре после свадьбы между новобрачными начали происходить размолвки; пристрастие герцога к вину и вспышки его неосновательной ревности были причинами охлаждения супругов. Императрица Екатерина, наоборот, выказывала зятю с каждым днем все большую благосклонность: так, 17-го февраля 1726 года она назначила его заседать в только что учрежденном Верховном тайном совете, а в день Пасхи пожаловала подполковником Преображенского полка; кроме того, Императрица хотела принять вооруженное посредничество в деле Голштинии с Данией, но этому помешало неожиданное появление, весной 1726 года, в Финском заливе английской эскадры. Возвышение герцога очень не нравилось Меншикову, который, после кончины Екатерины I, не преминул воспользоваться своим положением и своею властью, чтобы дать почувствовать герцогу свое первенство. Около трех месяцев герцог терпел гонения временщика. По своей робости и слабохарактерности, Карл-Фридрих не мог воспользоваться благоприятными обстоятельствами и, опираясь на многих ревностных приверженцев Анны Петровны, достичь власти. Вместо того, он решил удалиться с супругою из России, о чем и подан был Штамке и Бассевичем, 28-го июня, мемориал в тайный совет. В четырнадцати пунктах этого мемориала заключались, между прочим, требования о возобновлении трактатов Петра I с Швецией, о выдаче копий с завещания Императрицы, о немедленном отпуске 100000 руб. назначенного годового содержания, о выдаче 200000 руб. на путевые издержки в счет завещанного Екатериной I миллиона, с рассрочкою остальных на восемь лет поровну, и пр. Копия с духовного завещания не была видана; относительно наследования шведского престола совет ответил, что «сие состоит в воле Его Императорского Величества всероссийского, и никто посторонний в сие дело вмешаться не может», а денежные требования принял. Для доставления герцога с герцогиней и их Двора в Голштинию совет назначил фрегат и шесть настовых судов, под начальством вице-адмирала Сенявина. Перед отъездом, голштинские министры еще раз сообщили совету «прискорбие цесаревны, что за несделанием

раздела с сестрою она взять с собою не может ничего для памяти матери своей» и просили, по крайней мере, росписи вещам; но совет отвечал, что для раздела будет своевременно назначена особая комиссия и герцогиня получит все, что ей следует. 25-го июля 1727 года Анна Петровна с мужем оставила Россию. Пребывание ее на чужбине было весьма печально, главной причиной чего были холодные отношения между супругами, жившими на разных половинах и даже не вместе обедавшими. В своих записках Екатерина II сообщает, что герцогиня скончалась от чахотки. «Ее сокрушила, – пишет Екатерина, – тамошняя (т. е. в Киле) жизнь и несчастное супружество». 10-го (21-го) февраля 1728 года Анна Петровна «счастливо родила принца Карла-Петра-Ульриха» (впоследствии Императора Петра III), для которого кильский магистрат изготовил серебряную колыбель, обитую внутри синим бархатом, а 4-го (15-го) мая «в ночи, в 21 году от рождения своего, горячкою преставилась», как гласило официальное донесение. Умирая, Анна Петровна просила, чтобы ее похоронили подле отца. По получении об этом известия, верховный тайный совет распорядился послать в Голштинию за телом цесаревны генерал-майора Ивана Бибикова, президента ревизион-коллегии, с одним архимандритом и двумя священниками, на корабле «Рафаил», в сопровождении одного фрегата. Эскадрой командовал контр-адмирал Бредадь. 12-го октября совет, получив донесение о прибытии тела герцогини в Кронштадт, предписал Миниху «встретить тело с подобающею честью и предать оное земле в Петропавловском соборе». Приготовления заняли около месяца, и погребение состоялось только 12-го ноября, у северной стены собора, во втором от иконостаса ряду. Двор в это время находился в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.